

ИСЦЕЛЕНИЕ СТРАЖДУЩЕГО¹

Представленный материал состоит из пяти текстов, составляющих единое смысловое целое. В первом из них дано описание клинического случая на начальных этапах работы пастырского консультанта с клиентом. Автор делает краткие диагностические выводы и предлагает вопросы для обсуждения случая.

Следующие три текста представляют собой комментарии на этот клинический случай, принадлежащие разным специалистам: психиатру, священнику-психотерапевту, пастырскому консультанту. Каждый из них, по ходу размышлений над предложенным материалом и стоящей за ним судьбой человека, излагает свои представления о сущности и путях исцеления души, сформированные опытом психотерапевтической работы и опытом веры в сочетании с христианским учением и писаниями св. Отцов Церкви.

Пятый текст, написанный автором случая уже после того, как были опубликованы (и прочитаны клиентом) первые четыре текста, представляет собой что-то вроде эпилога, где подводятся окончательные итоги работы и осмыслиется путь, пройденный этой парой «клиент-терапевт».

Автор случая предлагает российским специалистам – психиатрам, священникам, психотерапевтам – продолжить ряд комментариев, высказав свое отношение к тем вопросам, которые поднимаются в этой дискуссии.

¹ «Исцеление страждущего» – глава из книги «Raising Lazarus: Integral Healing in Orthodox Christianity». – Brookline, Massachusetts: Holy Cross Orthodox Press, 2004. Книга является сборником статей членов ОСАМРР – Православно-Христианской Ассоциации Медицины, Психологии и Религии, штаб-квартира которой находится в США. Последний, пятый текст материала печатается в измененном и дополненном виде по сравнению с публикацией в книге.

(В том, что касается клинических результатов)...технические приемы представлялись мне гораздо менее значимыми, чем личные качества терапевта. Я чувствовал, что идея Альберта Швейцера о благоговении перед жизнью схватывала то самое различие, которое я никак не мог выразить. Некоторые терапевты, независимо от теоретических предпочтений, опыта, членства в профессиональных объединениях и т.п., казалось, обладают тем самым качеством, и я пришел к заключению (хотя не смог бы его доказать), что это были лучшие терапевты. Другие, похоже, были заметно обделены в этом отношении. Они, казалось, были специалистами своего дела, у них могло быть тончайшее понимание динамики пациента, они могли чрезвычайно искусно столкнуть пациента лицом к лицу с его конфликтами и невротическими комплексами, но им не хватало того человеческого качества, которое я теперь стал рассматривать как высший балл на шкале квалификации психотерапевта... Наверное, главный компонент здесь – сострадание. Это глубокое понимание боли другого человеческого существа, в сочетании с добротой и отзывчивостью. Оно эмпатично, в смысле понимания внутреннего мира другого человека – особенно его одиночества, муки, страдания и коренной беспомощности.

Hans Strupp

В ЛАБИРИНТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

С. МЬЮЗ*

Теодор, «Тед» (как мы будем его называть) – урожденный американец шестидесяти шести лет, является представителем белой расы, никогда не вступал в брак. Единственный раз в своей жизни, когда-то давно, он был помолвлен, позже в течение ряда лет делил жилище с женщиной-компаньонкой, однако, это не предполагало сексуальных отношений. Больше всего в жизни его тянуло к мужскому полу, но, будучи христианином, он всегда глубоко стыдился этого. Он был весьма скрытен и «жил от-

* *Стефен Мьюз* (Stephen Muse) – доктор философии, кандидат богословия, руководитель тренинговых программ по пастырскому консультированию в Пастырском Институте в г. Колумбус, штат Джорджия, преподаватель государственного университета г. Колумбус, практикующий психотерапевт.

шельником» около сорока лет, опасаясь, что если начнет сближаться с мужчинами, то может начать испытывать к ним сексуальные чувства. Что же касается женщин, то он просто не мог связать себя каким-либо обязательством ни с одной из тех, с кем встречался, чувствуя, что нуждается время от времени в определенном рода дистанции, чтобы не «задохнуться» в ее объятиях.

Около тридцати лет назад Тед, на довольно длительный срок, стал пациентом женщины-психотерапевта, которая однажды, во время сеанса, попыталась его поцеловать. В конечном итоге, он прекратил терапию, после того как она отказалась признать ответственность за свое поведение на групповой терапевтической встрече, в которой он участвовал, и которая последовала сразу за нарушением терапевтических границ. Этот отказ еще более оскорбил Теда. Через несколько лет Тед решил попробовать еще раз и нашел психолога, с которым регулярно встречался в течение десяти лет. Этот человек говорил ему, как, впрочем, и все другие, с которыми он имел беседу: «Неважно, о чем Вы там фантазируете в своей голове, до тех пор, пока это не распространяется на Ваши действия». Тед, в конце концов, попал на прием к еще одному терапевту, пастырскому консультанту. Он рассказал консультанту, что предыдущий терапевт (тот, который был у него десять лет) вел с ним беседы о пользе общения, но он чувствовал, что так ничего и не достиг.

Получив теперь представление о православных христианских воззрениях на жизнь ума, на значение и роль страстей, важность хранения воображения и т.п., Тед испытал чувство, взволновавшее его до слез, что «впервые кто-то описывает нечто такое, что сердце мое признает за истину, но что никто никогда мне не говорил». Он рассказал об удивительных исцелениях от довольно серьезных болезней, которые несколько раз происходили в его жизни, когда он молился во время выступления телевизионного проповедника, и которые, как он чувствовал, совершил с ним Господь. Христианская вера Теда, пусть и не православная, была, несомненно, искренней и глубокой.

Что касается его личной жизни, Тед страдал от ужасного одиночества, вплоть до того момента, когда постепенно он начал рассказывать, впервые за все годы психотерапии, что около тридцати-сорока лет назад он стал фантазировать на сексуальные темы садомазохистского содержания, и постепенно дошел до того, что мог оживлять внутри себя воображаемых персонажей, так что они начинали самостоятельно разговаривать. У него на кухне хранился набор чашек, с лицами знаменитых людей на них, и он мог добиться того, что эти лица начинали менять свои очертания, шевеля губами и разговаривая с ним.

В настоящее время он стал беспокоиться, так как персонажи внутри него «вышли из-под его влияния», стали высказывать недовольство в его адрес и не давали ему спать. Это было похоже скорее не на аудиовизуальные галлюцинации шизофренической природы, а на что-то из ряда голосов диссоциативного расстройства, хотя даже в этом не было окончательной ясности. Тед настойчиво повторял: «Это я создаю их», хотя в то же самое время говорил: «Они обращаются ко мне, они сердятся, они недовольны тем, что я делаю». Он замечал, что «голоса» больше всего беспокоят его в периоды, когда он употребляет таблетки для похудения.

Тед рассказал, что в подростковом возрасте его как-то раз соблазнил взрослый мужчина – дело при этом ограничилось ласками. Других случаев сексуального посягательства он не припоминал, хотя было у него одно воспоминание, которое волновало его до слез – воспоминание запаха пота, исходившего от отцовской промежности, когда отец, возвращаясь домой с работы, лежал на веранде, а он, будучи еще совсем малышом, нежился у него между ног. Это воспоминание преследовало его.

Он утверждал, что мать иногда одевала его в детстве в одежду для девочек, и братья смеялись над ним. Это воспоминание было одним из тех, что давали почву сомнениям Теда в собственной мужественности, и выражалось все это в виде некой истории о себе, которую он рассказывал себе самому многие годы.

Младший брат Теда был толстоват, в детстве его дразнили, и Тед защищал его. Когда же мальчик вытянулся и возмужал, он отплатил Теду за его доброту тем, что постоянно критиковал его, относился к нему с недоверием, явно проецируя на него ту слабость, от которой он сам старался избавиться. Тед переживал по этому поводу, но сохранял лояльность вплоть до тех пор, пока брат не попытался, в добавок, с помощью махинаций лишить его доли семейного наследства. Тед с большим сожалением прибег к услугам юристов и сумел защитить себя, но, в результате, брат с ним больше не разговаривал.

На сессиях Тед внешне ведет себя как человек общительный, веселый, интеллектуал, лишь изредка в нем прорывается горечь, от которой он поначалу быстро уходил, как он привык это делать всю свою жизнь. Он и тоскует по доверительным отношениям, и страшится их. Он – обаятельный, располагающий к себе собеседник, умеет поддерживать диалог, и хорошо видно, как он мог быть «занят» беседой со своим предыдущим терапевтом, и в то же время в уме предаваться фантазиям по его поводу, о чем между ними никогда не было речи.

По мере того, как Тед все больше и больше раскрывал перед новым терапевтом природу своих голосов, он начал испытывать какую-то возрастающую тревогу. Однажды «голос» в его голове велел не сообщать о нем терапевту, когда он мешал Теду. Терапевт говорил с ним об отсечении мыслей, согласно святоотеческому учению о распознавании помыслов и процессе формирования страстей путем сочетания с помыслами через внимание. Тед, по предложению терапевта, прочитал об Иисусовой молитве и в какой-то момент терапии принял от него в подарок икону Христа. И вот, в один прекрасный день Тед рассказал, что голоса «обратились» и теперь читают Иисусову молитву, а пару раз ему показалось, что голос доносится от иконы, на которую он смотрел во время молитвы.

Затем голоса перестали читать Иисусову молитву и снова начали гнаться. Тед был направлен к психиатру, для того чтобы получить небольшую дозу препарата Risperidal, что он и сделал, и это ему помогло – «голоса» его больше не беспокоили, хотя все еще и маячили где-то на заднем плане, а он все еще предавался, при случае, своим фантазиям.

Наряду с перечисленными симптомами у Теда диагностирован рак, в настоящее время – в ремиссии. Он заводит дружбу с людьми, живущими по соседству, он финансово независим, много читает и планирует, с целью вложения денег, заново перестроить дом, которым владеет. Он немного общается с родственниками, а также находится, вроде бы, в процессе создания дружеских отношений с мужчиной, который не склонен переходить границы, умеет общаться, и который, определенно, не строит никаких сексуальных планов относительно Теда.

В настоящей период Тед не имеет других симптомов, кроме следов хронического одиночества, с которым он прожил большую часть своей жизни, и легкой депрессии временами, которая выражается в некоторых проблемах со сном и периодических приступах сомнений в собственной ценности. Иногда дает о себе знать скрытый гнев, атакующий его изнутри, однако Risperidal, похоже, оказывает на него успокоительное действие. Он достиг некоторой степени правдивости в отношениях с терапевтом, что позволяет несколько развеять его одиночество. Двигаясь в этом направлении, Тед постепенно открыл свои страхи, а также фантазии относительно этого терапевта и затем испытал облегчение, что может «свободно говорить о самых грязных вещах в своей жизни, и это не оскорбит Вас и не вызовет ко мне отвращения».

Тед считает себя верующим христианином и перепробовал разные протестантские деноминации, пока, наконец, не нашел протестантскую общину, где, он чувствует, к нему питают любовь и интерес некоторые люди, с которыми он завел дружбу.

Диагностические соображения:

Ось I (по DSM-IV): Диссоциативное расстройство NOS; нарушение идентичности; дистимия – слабая хроническая форма; злоупотребление амфетамином (таблетки для похудения).

Ось II: Ничего.

Ось III: Рак.

Ось IV: Стрессоры: отсутствие близких отношений – одиночество; рак; семейный конфликт с братом; психосексуальный конфликт, отрицательно действующий на социальные отношения, религиозную веру и самоидентичность.

Ось V: CGAF: 70 HGAFPY пробно 80.

Медикаменты: Risperidal, Zoloft.

Соображения духовной интуиции:

Демон блуда:

Привлечение не освоенных, исключенных из жизненного обмена гнева и жажды близости, что есть одно из следствий разобщения между «я» и «другим»/Богом, создает прочную базу для блудной страсти, представленной в садомазохистских формах, и затрудняет дальнейшее развитие зрелого эмоционального выражения себя в межличностных отношениях.

Демон отчаяния:

Разрушает его чувство, что он любим Богом, и надежду когда-либо иметь полноценные близкие отношения, в которых он будет «избран» и принят просто за то, что он тот, кто он есть. Здесь его привлекает перспектива дальнейшего неприятия самого себя и безответной любви к Богу и человеческому товарищескому общению, а также отчуждает его в межличностных отношениях.

Вопросы для обсуждения:

– Дополняя общепринятые психологические представления, святоотеческая психология в своем обращении к проблеме человеческого развития включает в себя такие понятия, как грех, искупление, спасение, а также космологию «злых духов», искушений, страстей и пр. В свете такой космологии и антропологии, каковы те возможные подходы к лечению, которые могли бы дополнить стандарты психологической и медицинской помощи? Применимы ли здесь молитвенное правило, Святое Причастие, милостыня и т.п.?

– Как наилучшим образом соединить христианское православное святоотеческое учение о духовных болезнях с современными достижениями в понимании и лечении умственных и эмоциональных расстройств, избе-

гая при этом спиритуализации, биологизации или секуляризации *человеческого* и *уникально личностного*?

– Каким образом производить духовную диагностику? Ряд авторов используют термины «духи» и «страсти» как нечто сходное, подразумеваемая под этим полуавтономные сущности, которые «овладевают» сердцем и порабащают его, нарушая целостность «Я». Есть ли такое Бюро Стандартов, которое снабжает методическими указаниями, подобными DSM-IV в психологической сфере?

– Есть ли смысл в соединении психотерапевтической сферы и сферы религии в деле исцеления страданий Теда?

– Какого рода антропологические и научные допущения лежат в основе следующих «диагнозов», и каковы соответствующие им нормы развития, которые задают направление процессу лечения? Какие из них наиболее подходящие и почему?

Тед «болен»;

У Теда «остановка развития»;

Тед «травматизирован»;

У Теда «зависимость»;

Тед «одержим злыми духами»;

Тед страдает, потому что находится в «прелести» или духовном заблуждении;

Тед лишен доступа к терапевтическим средствам Церкви. Что это могут быть за средства?

Симптомы, которые обнаруживаются у Теда, указывают на наличие сильных нереализованных стремлений и блокировку эроса.

В ОБСУЖДЕНИЕ ВСТУПАЕТ ПСИХИАТР

Д. РЕДИГЕР*

И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

И на рабов моих и на рабынь моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать.

Деяния 2:17-18

Наше нормальное бодрствующее сознание, рациональное сознание, как мы его называем, есть только лишь один специфический тип сознания, в то время как вокруг него, отделенные тончайшей завесой, лежат потенциальные формы сознания, в самом существе своем отличные от него.

Уильям Джеймс

Взяв для обсуждения приведенный выше случай из практики, автор сделал отличный выбор, потому что случай этот иллюстрирует с необычайной ясностью центральные пункты диалога между материалистическими и более открытыми или традиционными¹ представлениями о природе мира, в котором мы живем. Хотелось бы также сказать, что опыт Теда поднимает вопросы, затрагивающие самую суть диалога между психологией и богословием; к несчастью, однако, Западное богословие по большей своей части само еще не вышло из детского возраста и черезчур

* *Джефф Редигер* (Jeff Rediger) – доктор медицины, кандидат богословия, главный врач McLean Hospital Southeast, инструктор отделения психиатрии Harvard Medical School.

¹ Под традиционными представлениями я имел в виду не традиционные представления современной западной культуры, но традиционные представления, более распространенные в других культурах и в другие исторические периоды, когда вера в духовный мир была гораздо более принята. Западная культура относительно новая, и время ее жизни отмечено кратким штрихом на шкале истории.

подвержено влиянию материалистических взглядов, через призму которых мы пропускаем огромную часть своего повседневного опыта.

Симптомы Теда и отношение к ним, с клинической точки зрения, есть то, что ярко высвечивает конфликт между двумя различными образами восприятия мира: является ли мир, прежде всего и в основе своей, материальным миром, который известен нам благодаря свидетельству пяти чувств и зависит, главным образом, от четкого и незыблемого различия между познающим и познаваемым; или он есть также духовный мир, где сенсорные данные только лишь часть дела, а жесткое различие между субъектом и объектом, или познающим и познаваемым – полезно, но в какой-то мере и иллюзорно, и вводит в заблуждение.

Ниже мы рассмотрим более пристально опыт Теда, как он его описал, и обсудим основания, а также клинические импликации того взгляда на мир, который формирует традиционное православное христианское богословие. Православное богословие, нужно заметить, имеет особенно важное значение в диалоге между психологией и богословием и особенно более явно играть роль повивальной бабки в процессе рождения нашим миром нового, совершенно другого сознания, поскольку исторические события сокрыли его от культурного давления Запада и влияния его могущественной, но односторонней эпистемологии.

Психиатрические симптомы с точки зрения двух различных форм сознания

Отрывки из Священного Писания, такие как тот, который я поместил в начало статьи, вводили меня в глубокое замешательство в детстве и затем, в юности и в молодые годы, просто по той причине, что они находились в совершенном противоречии с теми представлениями, которые в меня вкладывали в процессе учебы. Все время – в начальной и старшей школе, колледже, медицинской школе, на службе и даже в семинарии – мне помогали осваивать мир, который подчеркивал приоритет сенсорных данных в поисках знания и истины. Цель заключалась в том, чтобы, вооружившись скептицизмом, достичь сухого остатка безусловного, неуязвимого знания, которое мыслилось как возникающее в результате подробного исследования всех доступных сенсорных данных. Хотя мое обучение в семинарии было довольно серьезным, и немалый акцент делался на понимании того, какого рода проблему все это создает для духовной жизни, решать ее, в основном, пытались таким образом, что трансцендентные идеи и богословские представления переводились в абстрактный план вместо того, чтобы обосновываться через нечто практическое и опытное.

Некоторые детали, которые Тед рассказал терапевту, были бы немедленно истолкованы большинством терапевтов и психиатров как симптомы психотического или диссоциативного поведения. Вопрос заключается в том, есть ли у нас какое-либо клиническое основание, чтобы не делать поспешных выводов и разобраться более тщательно. В описании случая Тед говорит своему терапевту, что после того, как он около тридцати-сорока лет практиковал определенного рода фантазии, он мог вызывать в уме различных персонажей, вплоть до того, что они действительно оживали в нем и разговаривали сами по себе. Например:

«У него на кухне хранился набор чашек с лицами знаменитых людей, и он мог сделать так, что эти лица начинали менять свои очертания, шевеля губами и разговаривая с ним. В настоящее время он стал беспокоиться, так как персонажи внутри него «вышли из-под его влияния», стали высказывать недовольство в его адрес и не давали ему спать. Это было похоже, скорее, не на аудиовизуальные галлюцинации шизофренической природы, а на что-то из разряда голосов диссоциативного расстройства, хотя даже в этом не было окончательной ясности. Тед настойчиво повторял: «Это я создаю их», хотя, в то же самое время говорил: «Они обращаются ко мне, они сердятся, они недовольны тем, что я делаю». Он замечал, что «голоса» больше всего беспокоят его в периоды, когда он употребляет таблетки, снижающие аппетит».

Важная вещь заключена в этом коротком рассказе, и далее я попытаюсь предпринять нечто вроде «мысленного эксперимента», который внесет большую ясность в то, что же Тед описал. Если симптомы Теда лучше всего объясняются с помощью традиционного психиатрического критерия психотических процессов, тогда лечение должно быть предпринято в соответствующем направлении. Если они объясняются посредством того, что известно о многообразных проявлениях и последствиях диссоциативных процессов, мы последуем этим курсом. Необходимо, однако, взять в рассмотрение возможность того, что внутри определенных модусов сознания – таких как мистическое сознание, которое описывали святые, и о котором сообщает все возрастающее число людей в наше время, – некоторые обыкновенные законы повседневной реальности приобретают относительность, снимаются за счет реальности высшего порядка, и что это не просто болезненный процесс, но может также иметь благотворные последствия. Если у нас именно этот случай, то тогда мы должны попытаться понять опыт на его собственном языке, а не патологизировать его с помощью категорий традиционной психиатрической номенклатуры. В противном случае вновь появившиеся возможности шагнуть за собственные пределы, возможности само-трансцендирования, будут

утрачены, и человек упустит случай интегрировать потенциальные источники энергии и жизни в свое повседневное существование.

Брать за основу нашего рассуждения это последнее понимание или нет – зависит от нескольких ключевых моментов: конгруэнтности аффекта у Теда, когда он описывает эти переживания; от того, насколько он зарекомендовал себя как честный и надежный рассказчик при описании своего опыта; присутствует ли какая-либо вторичная выгода (например, внимание); и от того, каковы очевидные и осязаемые плоды того опыта, который он описывает. Автор описания этого случая не дает никаких комментариев ни по поводу конгруэнтности аффекта у Теда, ни по поводу его надежности, но относится к его сообщениям достаточно серьезно, так что выносит их на наше обсуждение. Никакой вторичной выгоды из того, что нам представлено, не прослеживается. Есть, однако, некоторые признаки предположительных благотворных последствий, которые следовало бы обсудить. Тед, действительно, получил очень важную помощь от пастырского консультанта, который понимал, что между фантазиями и тем, что потом человек переживает во внешнем мире, существует прямая связь, а также Тед сообщил о нескольких чудесных исцелениях в прошлом. В таких ситуациях добраться до истины могут помочь лабораторные исследования, до и после выздоровления, и консультации с теми, кто близко знаком с Тедом.

Когда клиницист выносит решение о присутствии психотических или диссоциативных симптомов, за этим обычно кроется целое мировоззрение. Слуховые и зрительные галлюцинации по определению мыслятся как слышание звуков и видение образов, которые реально не существуют. Они могут отражать, к примеру, нарушение нейрохимических процессов, и не более того. Сознание мыслится единственно как результат нейронного функционирования, и, фактически, то, что сознание не может существовать, минуя процессы возбуждения в нейронах, рассматривается как нечто, не требующее доказательств.

Суть лечения, согласно такому взгляду на вещи, состоит в том, чтобы заглушить голоса или прервать беспокоящие видения, посредством либо психофармакологии, либо психотерапии. Материалистическая парадигма обладала временем и ресурсами для своего все большего распространения, и поэтому биологическая психиатрия занимает центральное положение, а сегодняшние лекарства играют все возрастающую и часто полезную роль в устранении психотических или диссоциативных симптомов. Вопрос в том, будет ли такой взгляд на действительность, при котором материальный мир окончательно и абсолютно мыслится как истина в последней инстанции, достаточным для объяснения всего того, что нам явлено.

Несколько лет назад, работая психиатром, я столкнулся с одним молодым человеком, который начал ходить ко мне на прием, и который еще совсем недавно вел жизнь опустившегося алкоголика и наркомана. Познакомившись с ним, я был поражен тем фактом, насколько он был готов на все, чтобы только удержаться от наркотиков и алкоголя и получить образование в колледже. Еще ни разу мне не рассказывали историю, в которой было бы так много насилия, как в его. Отец-алкоголик бил его смертным боем, пока не покинул сей мир, мать продавала себя за дозу героина в присутствии сына, который сидел, забившись в угол. Мачеха как-то раз выстрелила в него из охотничьего ружья, а все остальное время науськивала на него отца. В конце концов, он сбежал из дома и следующие десять лет провел в качестве продавца наркотиков и члена уличной банды.

Я знал, что он не один год находился в системе охраны психического здоровья, а также имел историю непростых отношений с психиатрами и другими врачами, которые были привлечены для того, чтобы оказывать ему помощь. Так что я спросил его, почему же теперь все изменилось, и что помогает ему сохранять трезвость и прилагать столь очевидные усилия, чтобы начать новую жизнь. То, что он рассказал, меня удивило.

Он поведал мне, что отказался от наркотиков и алкоголя после того, как его покойная бабушка-индеанка, которая сама при жизни была алкоголичкой, явилась ему однажды ночью, села на край его постели и велела бросить пить. Его особенно впечатлило то, что она с удивлением разглядывала его татуировки, которых у него не было при ее жизни.

Вскоре после того, что с ним произошло, он бросил пить, привел себя в порядок и начал строить планы относительно поступления в колледж. Этот опыт, который, как он верил, был опытом встречи с бабушкой, в пять минут дал ему больше, чем десять лет регулярного общения с психиатрами и терапевтами. И, не считая нескольких срывов, прогресс был вполне прочный, несмотря на тот факт, что он продолжает жить в труппе вместе со своей матерью и четырьмя ветеранами, у которых были проблемы с наркотической и алкогольной зависимостью. Он продолжал приходить ко мне, как за дозой медикаментов, уже изрядно сниженной, так и ради психотерапии, но что-то существенно изменилось, и я уже не столько лечил болезнь, сколько помогал ему в достижении его цели. Принятие его опыта как чего-то важного, видимо, растопило сопротивление, которое было главной характеристикой его предыдущих отношений с врачами, и позволило нам начать работать по-настоящему.

Понять его опыт просто как отражение психотических или диссоциативных процессов – значит патологизировать его опыт, что было ему глу-

боко неприятно. То, что традиционная психиатрия рассматривает как симптомы, которые надо убрать, он рассматривал как призыв к новой жизни.

С тех пор я внимательно прислушиваюсь к тому, что пациенты или люди, участвующие в исследовательской программе Института, рассказывают об опыте, который, по моему мнению, вряд ли мог бы быть адекватно оценен в рамках традиционной психиатрической или медицинской модели. История христианской духовности также знает примеры того, насколько иными могут быть описания реальности и сознания, созданные великими основателями психиатрии, на все времена получившими благословение Церкви. Например, Жан-Мартин де Шарко, директор известной парижской психиатрической лечебницы для женщин Сальпетриер, фотографировал женщин, которых он лечил от истерии, в позах, обозначенных как «Экстатическое состояние», «Блаженство» и т.п., и делал вывод, что об этих женщинах уже нельзя говорить как о страдающих от обмана чувств. А Джозеф Брейер, сотрудничавший в свое время с Зигмундом Фрейдом, присвоил святой Терезе Авильской титул «святой покровительницы истерии», хотя он действительно соглашался, что она была «женщина гениальная, с огромной практической одаренностью» (*Medwick, 1999, с. 15*). Читателю решать, являются ли описания, подобные тому, что приведено ниже, отражением определенно галлюцинирующего и заблуждающегося сознания:

Нашему Господу было угодно, чтобы мне являлось иногда это видение. Совсем рядом со мной, слева, появлялся ангел в человеческом облике, который был не таким, как я обычно воспринимаю их. Хотя мне часто являются ангелы, я на самом деле не вижу их, за исключением того случая, который я упоминала. Но наш Господь захотел, чтобы это видение предстало передо мной следующим образом: Он был невысок и очень красив, а лицо его было таким огненным, что он походил на одного из тех высших ангелов, которые выглядят так, как будто они целиком охвачены пламенем. Это, должно быть те, что зовутся херувимами – они не называли мне своего имени – но я хорошо знаю, что на небесах существует некое различие между одними ангелами и другими, и что я была бы не в силах объяснить это. В его руках я видела длинное золотое копье, и его железный наконечник, казалось, был сгустком огня. Я чувствовала, как если бы он погружал его несколько раз в мое сердце, так что оно проникало в мои внутренности. Когда он вытаскивал его обратно, казалось, он вытаскивает их вместе с ним и оставляет меня всю воспламенной огромной любовью к Богу. Боль была такой острой, она не раз заставляла меня стонать. Сладость этой боли так велика, нет никакого желания, чтобы она кончалась, и душа не находит удовлетворения ни в чем меньшем, чем Бог. Эта боль не физическая, а духовная, но все-таки

тело принимает некоторое участие в ней – на самом деле, большое участие. Столь нежен и деликатен этот обмен между Богом и душой человека, что я молю Бога, в его благости, дать хотя бы чуточку этого каждому, кто думает, что я лгу (*там же*, с.57).

Заблуждение или нет, но «Вида» св. Терезы, полная подобных пассажей, возбудила широкий отклик – так, Джордж Элиот сделал св.Терезу «гением *Iosì*» своего романа «*Middlemarch*», а Жан Лоренцо Бернини увековечил ее в своем «Экстазе св.Терезы» в Капелле Санта Мария делла Виттория в Риме. Это достойная проверка того, действительно ли благотворно воздействие какого-то мистического опыта на воспринимающего и повышает ли он его способность к любви.

Помыслы в Православии или материализм против мистицизма

Итак, что предлагает православное богословие в отношении тех симптомов, которые описал Тед? Согласно его словам, многолетнее фантазирование привело его к состоянию, когда персонажи фантазии могли по-настоящему оживать внутри него и сами по себе разговаривать, и даже лица известных людей, изображенные на кофейных чашках, шевелили губами, беседуя с ним. Предыдущий психолог, приверженный материалистическому видению мира, говорил Теду, что совершенно неважно, о чем он фантазирует, пока это не отражается на его внешних действиях.

Православное богословие, предполагающее духовное видение, учит, что мир нашего повседневного существования характеризуется полярностью и жесткой конкуренцией противоположностей – например, верха и низа, холодного и горячего, дня и ночи, позитивного и негативного, добра и зла, мужского и женского, индивидуума и общества, разума и тела и т.п. Нам дана возможность жить среди этих полярностей, чтобы учиться и возрастать к обожению, то есть к тому состоянию, когда мы осознаем действительное присутствие Божие в нас. Согласно такому видению мира, эти полярности, а также боль и страдание, которые часто связаны с ними, относятся к области явлений (феноменов) и не являются реальностью в себе и сами по себе. Вещи не таковы, какими они кажутся.

Чтобы быть строгим последователем Аристотеля и отдать должное и сенсорной, и духовной реальностям, наверное, лучше было бы сказать, что материальная реальность реальна с какой-то позиции, но с другой, стратегически более выигрышной позиции, она становится относительной и обусловленной более широким взглядом, подобно тому как для маленького ребенка луна кажется движущейся вместе с машиной, из которой он ее наблюдает, но, с более зрелой точки зрения, те же самые сен-

сорные данные оказываются помещенными в более широкий контекст, и взрослый знает, что движение луны вместе с машиной не является тем, чем оно кажется.

В какой-то мере это можно понять, рассматривая известные гештальт-изображения, которые можно увидеть как две совершенно различные картинки, в зависимости от того, как на них смотреть. Глядя, например, на одну из этих картинок, некоторые увидят старую каргу, другие же – юную леди. Это показывает, что, даже имея в своем распоряжении одни и те же данные, люди могут увидеть абсолютно разные вещи. И, что знаменательно, как бы они ни пытались, им не удастся увидеть старуху и юную леди одновременно, даже если они научатся с невероятной скоростью перепрыгивать с одного изображения на другое.

Этот пример отчасти демонстрирует нам, каким образом два различных видения мира могут быть оба истинными, каждое в своей собственной сфере. Однако, с духовным видением все сложнее, потому что, тогда как образы старухи и юной леди состояются из материала, взятого в одной и той же системе координат, и зависят исключительно от того, какие детали будут извлечены из данного изображения и интегрированы в картинку, мистическое сознание принадлежит к явлениям совсем другого порядка, нежели обыкновенное. Отношение мистического сознания к обыкновенному сознанию сродни отношению взрослого видения движения луны вместе с машиной к восприятию этого же движения ребенком.

Хотя большинство из нас живет каждодневно в границах обыкновенного сознания, существует довольно много людей – в том числе ранее живших святых – которым знаком опыт, соответствующий мистическому строю сознания, что само по себе заслуживает серьезного рассмотрения. Это, похоже, как бы просачивается наружу – у одних людей более явным образом, чем у других, – слишком часто, чтобы не обратить на себя внимание.

Пастырский консультант, который работал с Тедом, начал лечение с помощи в осознании разрушительных помыслов и предложил заместить их Иисусовой молитвой и иконой Христа. Что такое помыслы? Этимологически помыслы имеют отношение к «мыслям» – к мыслям, которые ты имеешь. Согласно св.Максиму, бывают мысли простые и сложные, составные (*Metropolitan Hierotheos*, 1994, с.394). Мысли, не связанные с сильной эмоцией или страстью, рассматриваются как «простые». Сложные же или составные мысли – это те концептуальные образы, которые эмоционально заряжены или составляют одно целое с каким-либо сильным чувством или страстью.

Сердцевина мистического сознания есть понимание, что феноменальная реальность не является тем, чем она кажется. Настоящее мистическое сознание, таким образом, будет рассматривать жизнь фантазии не только как нечто, вносящее свою лепту в то, что человек переживает во внешнем мире, но даже как нечто решающее, в конечном итоге. Потому что то, что мы видим и переживаем, вытекает из того, во что мы по-настоящему верим, что мы считаем правдой о мире.

Путь рассуждения, который может помочь нам понять, что такое «мыслы», включает в себя понятие «элементалей». Элементали есть мыслеформы. Это энергии, которые мы проецируем вовне в процессе порождения мыслей и чувств. По описанию *Kyriacos Markides* (2001, с. 646), элементали имеют форму и энергию. Когда мы думаем об океане, мы конструируем форму океана в уме. Если у нас есть желание отправиться к океану, мы наполняем идею океана (форму) желанием (энергией). Чем больше желание, тем больше энергия, помещенная в форму. Сила элементалей зависит от количества энергии – желания или страсти – помещенного в него.

Вопрос о том, действительно ли мысли несут на себе некоторую энергию, которая может быть выявлена, заслуживает исследования. В Институте я работал с целым рядом чрезвычайно сензитивных личностей, и рассказы об их переживаниях, а также то, что я наблюдал, находясь рядом с ними, безусловно, оправдывают идею существования тонкой энергии, испускаемой мыслями, которая может быть обнаружена некоторыми людьми.

Эти люди говорили мне, что мы все обладаем подобными способностями, но у большинства из нас они обычно находятся в скрытом виде. Эти способности можно развивать, но, по всей видимости, это потребует развития таких сторон нашего «я», которым мы склонны не придавать значения в нашей культуре. Люди, о которых идет речь, похоже, были экстраординарно интуитивны – даже мета-интуитивны – и иногда могли уловить мысль, которую кто-нибудь собирался высказать, раньше, чем она действительно прозвучала. Хотя, конечно, случались и ошибки, но я наблюдал также, как отдельные индивидуумы, услышав имя какого-то человека, с которым они, как я знал, никогда не встречались, начинали мне говорить всякого рода вещи о знакомстве с такой степенью детализации, что это поистине поражало. Это было почти как если бы они обладали антенной, настроенной на определенную частоту, вроде радиоволн. Иногда встреча с незнакомцем лицом к лицу смазывала получаемую информацию, как если бы внешнее присутствие становилось на пути чего-то более реального, но невидимого.

Одним из путей размышления, по которому я сначала пошел, было соображение, что лево-полушарный, аналитический разум, который дал нам огромные ресурсы, оставляет, однако, многих интуитивных, более гештальт-ориентированных людей – особенно женщин, которые по природе более расположены к интуиции, – в некотором пренебрежении, с чувством, что что-то существенное было упущено. И похоже, что те, кто делал великие открытия – Кекуле, который открыл структуру бензольного кольца после того, как увидел во сне змея, кусающего свой хвост, Фрэнсис и Крик, в поисках структуры ДНК гонявшиеся за самой красивой формой, Эйнштейн, воображавший себя едущим на луче света, – все они часто двигались навстречу открытию, опираясь на неуловимые подсказки, которые больше сродни чему-то интуитивному и даже мистическому, чем просто строго определенной аналитической логике.

Томас Мертон как-то назвал западную культуру великим одноглазым гигантом, который бредет, запинаясь и спотыкаясь, принося как пользу, так и большие разрушения. Что нам необходимо, так это развить наш второй глаз – говорил он, имея в виду глаз интуиции, целостности и мудрости.

Если мысли, сплавленные с чувствами, создают элементарии, то какие выводы можно отсюда сделать? Первый касается некоей невидимой связи, которая существует между всеми нами. Центральным вопросом философии всегда был вопрос о бытии – является ли бытие множественным (некоторое множество существ) или есть только одно Бытие, и какова природа связи между всеми существами. Последние три столетия наша культура подчеркивала отдельную, изолированную природу всех существ. Однако в последние годы многие люди на Западе повернулись к Востоку и его мистицизму, так как стали подозревать, что такое подчеркивание односторонне и затрудняет адекватное восприятие того факта, что все мы связаны между собой и испытываем потребность друг в друге. Точнее, наверное, было бы сказать, что в то время как обычное сознание зависит от причинно-следственных связей, рационального анализа и показаний пяти чувств, другая, более духовная форма сознания перемещает осязаемую реальность в более широкий контекст, таким образом, что это, с одной стороны, не обесценивает данные, полученные с помощью материалистической интерпретации мира, но, в то же время, переформулирует их на основе новой информации.

Следующий вывод касается того, не является ли наше материалистическое видение мира правильным, но гораздо более ограниченным, чем нам кажется на первый взгляд. Возможно, мы вовсе не есть тела, наделенные душами. Возможно, истина гораздо более радикальна, и правильнее сказать, что мы, в первую очередь, души, которые облакаются в тело,

чтобы использовать противоположности временного существования для приближения к обожению. Такой путь размышления ставит значительно больший акцент на невидимом мире, который нас окружает, а также предполагает, что видимый мир, возможно, является манифестацией более реального, но менее осязаемого и очевидного невидимого мира.

Наши желания и страсти формируют элементали и поддерживают в них жизнь, питая их энергией. Они продолжают жить до тех пор, пока желание не будет удовлетворено, или пока личность не оставит его ради другого желания. Все то время, пока определенный элементаль существует, он стремится двигаться в направлении своего удовлетворения. Вероятно, поэтому духовные учителя указывают, что человек, в конечном счете, получит то, к чему он на самом деле стремится. Элементали, созданные тобой, в конце концов, достигают тебя, и внешний мир начинает становиться под стать тому внутреннему миру, который был тобой сотворен.

Говоря другими словами – то, что мы проецируем наружу как мысли и чувства, в конце концов, возвращается к нам как мир, который мы создали, хороший или плохой. Мы притягиваем к себе элементали, соответствующие элементалям, порожденным нашим умом, и, в свою очередь, испытываем на себе влияние этих элементалей, привлеченных нами. В этом смысле можно сказать, что два человека, даже если они сидят рядом друг с другом, могут находиться в совершенно различных мирах. Другими словами, мы наказываем или награждаем себя посредством тех мыслеформ, которые мы создаем. Когда мы наносим кому-нибудь вред в наших мыслях и чувствах, мы делаем это на самом деле по отношению к самим себе. Когда мы любим, мы совершаем доброе дело по отношению к себе.

Вполне вероятно и вполне согласуется с этой линией рассуждения то, что в определенном смысле эти мысли и чувства, которые мы проецируем, начинают жить собственной жизнью и существовать независимо. Они превращаются в «вещи», в том смысле как электричество, магнетизм и свет есть вещи. Элементали, которые мы проецируем в мир, также притягиваются к тем сходным элементалям, которые создаются другими. И я, и другие люди имеем опыт, когда мы неожиданно и почти на физическом уровне, ощущаем мысль, которая есть у кого-то другого, даже если этот другой человек находится в противоположном конце комнаты. В Институте, где я работаю, я сталкивался, в рамках своей программы, с некоторыми необыкновенно чувствительными индивидами, которые сообщали, что иногда они даже видят мысли (чаще всего символизированные «цветом»). Здесь, безусловно, встает вопрос, не окажется ли, в конце концов, возможным с помощью соответствующих инструментов обнаруживать или даже «взвешивать» мысли и чувства.

Если помыслы принимают, в некоей плоскости, объективный вид, мы вправе ожидать, что когда мы разрываем нашу связь с тем или иным элементом, он будет по-прежнему оставаться в окружающей нас среде в течение определенного времени, подобно тому, как пламя оставляет послесвечение. Чем сильнее огонь, тем дольше будет продолжаться послесвечение. Подобный ход мысли обладает некоторым объяснительным потенциалом по отношению к тому, что сообщал Тед о природе своих голосов: «Тед настойчиво повторял: «Это я создаю их», и, в то же самое время – «Они обращаются ко мне, они сердятся, они недовольны тем, что я делаю».

Учитывая, что в то самое время, когда я пишу этот текст, Соединенные Штаты только что вторглись в Ирак, преследуя Саддама Хусейна, нужно было бы, видимо, поговорить о возможности коллективных элементов. Вероятно, группы людей также могут создавать элементы, и эти коллективные элементы обладают большей или меньшей силой, в зависимости от того, сколько энергии было в них вложено. Мы все существуем в переплетении взаимодействующих элементов и постоянно оказываем влияние друг на друга, на подсознательном уровне, посредством наших элементов. Стоит задуматься о наших потаенных желаниях и намерениях, вступая в эту войну, и помнить, что мы глубоко связаны с прошлым и будущим народа Ирака узами, которые мы не хотим замечать.

Выздоровление от травмы как избавление от разрушительных помыслов

Мы подошли к обсуждению того, как происходит процесс исцеления от разрушительных помыслов. Если человек долгое время таит в себе мысли, связанные со страхом, злобой и ненавистью, то сам не ожидая того, он будет уничтожен этой злобой и ненавистью. Он, в конце концов, может стать центром притяжения для подобных мыслей. Если такой образ мысли превращается в нечто привычное, то человек начинает привлекать к себе обстоятельства и события, которые дают ему повод проявлять эти мысли и чувства и делать их очевидными.

Тед в юном возрасте находился под действием помыслов, определенно достаточно мрачного и низкого характера. Мать одевала его как девочку, а брат высмеивал до такой степени, что в результате в нем родился глубокий страх и сомнение в собственной мужественности. Это имело свое развитие, когда, в подростковом возрасте, мужчина постарше проявил к нему нежные чувства. Фантазии, которые развивались у Теда в течение следующих сорока лет, безусловно, имели прямое отношение к

этим событиям и к элементам, с которыми эти события составляли единое целое.

Вероятно, низкие элементы построены на основе идей, подчиненных сильным желаниям. Эти элементы сравнительно низкого уровня включают в себя не только животные страсти и склонности, но также страсти, связанные с оскорблениями и травмами. Элементы более высокого уровня составлены из желаний, подчиненных более высоким и благородным идеям и идеалам. На пути исцеления от сексуального оскорбления человеку приходится предстать перед лицом одного из великих и грозных сфинксов: это страх – в данном случае страх, что, будучи ребенком, он каким-либо образом привлек к себе оскорбление, и поэтому он каким-либо образом неполноценный или плохой. Так как вещи, обладающие наибольшей подлинностью, самоочевидны и могут быть познаны только открытым сердцем, страх замутняет мир, делает его непрозрачным. Это, если можно так выразиться, великие эпистемологические шоры. А также магнит для низменных элементов.

Терапевт хотел помочь Теду научиться господствовать над своими мыслями и эмоциями и, в процессе этого, порождать элементы, связанные с мыслями и чувствами, более высокими и чистыми, чем те, которые возросли на страдании и обидах. Терапевт, видимо, строил работу, исходя из той предпосылки, что если победить свои мысли, страхи, желания и свою сосредоточенность на себе, то тогда старые и менее конструктивные элементы лишатся энергии и уступят место элементам более высокого уровня. Если постоянно культивировать образ мысли более высокого порядка, то, в конце концов, твои собственные состояния подтянутся к этим мыслям и придут с ними в гармонию. И такой человек будет к себе притягивать людей с подобными мыслями. Мы создаем свое окружение своими мыслями, вчерашними и сегодняшними.

Элементы, которые мы создаем, либо делают нас созвучными самим себе, другим людям и Богу, либо вызывают разлад и раскол. Терапевт советовал Теду отсекать от себя мысли, в соответствии с православным святоотеческим учением о борьбе с помыслами. Тед стал читать об Иисусовой молитве. Терапевт дал Теду икону Христа, «и вот в один прекрасный день Тед рассказал, что голоса «обратились» и теперь читают Иисусову молитву, а пару раз ему показалось, что голос доносится от иконы, на которую он смотрел во время молитвы». Это длилось недолго, и здесь свою роль сыграл респеридал, который вытеснил голоса на задний план. Вероятно, старые элементы, набравшие силу в течение нескольких десятилетий, когда их активно «питали» фантазии Теда, были настолько могущественны, что нужно было долго и тяжело трудиться, что-

бы оборвать связи и заместить их устойчивыми элементами другого качества.

Исцеление от травмы предполагает, что человек приходит к иному видению и самого себя, и мира, и начинает лучше понимать, как избежать излишнего риска, вступая в отношения с миром, который несет в себе и опасность, и чудо. На более высоких ступенях мир начинает являться таким, как о нем пишут поэты и великие мистики. Как сказал поэт Джерард Мэнли Хопкинс: «Мир насыщен величием Божьим. Он дышит сиянием, подобно тому, как искрится вибрирующая фольга». По мере движения к обожению, страхи отступают, и человек начинает истинно радоваться тому, что он видит в зеркале. Это вроде бы согласуется с толкованием святоотеческого учения Митрополитом Иерофеем Влахосом:

Разумеется, кроме лукавых помыслов, существуют и благие, происходящие от Бога. Как можно узнать их? Будучи новичками в духовной жизни, мы должны обращаться к опытным духовным отцам, в особенности к имеющим дар различения духов. Общее же правило таково: если при появлении помысла, предлагающего нам что-либо, в душе возникает радость, то это значит, что помысел происходит от Бога. Дьявольские же помыслы исполнены смущения и печали. Святой Варсонофий учит: «Если помысел предлагает тебе сделать что-либо по его воле, и ты увидишь, что в деле том есть радость, скорбь же ему противна, то знай, что он от Бога... Бесовские же помыслы, во-первых, полны смущения и тревоги и скрытно влекут назад; они облакаются в овечьи шкуры, ибо прикрываются помыслами справедливости, сами же суть хищные волки». Необходимо заметить, что помысел иной раз вызывает радость, но радость эта может происходить от тщеславия и сладострастия сердца. Поэтому различением помыслов может заниматься только тот, кто вкусил благодати Всесвятого Духа и очистился от душевных страстей. Тем, у кого нет этого опыта, следует обращаться к опытным духовным отцам...²

Всегда существуют немногочисленные одухотворенные души, которые столь возвышенны, что даже самые злейшие травмы и надругательства оказывают на них, в конечном итоге, только благотворное влияние:

Когда коммунисты прибрали к рукам Тибет, они заключили в тюрьмы многих монахов, монахинь, лам... Некоторые сидели в китайских трудовых лагерях по двадцать-тридцать лет и только совсем недавно были выпущены. Какое-то время тому назад я встретил монаха, который был в заключении около двадцати пяти лет. Его пытали, над ним всячески издевались, и его тело в значительной мере представляло собой развалину.

² Цит. по: *Митрополит Иерофей (Влахос)*. Православная психотерапия. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004, с.224.

Но его душа! Когда вы заглядывали в его глаза, то, вместо того, чтобы увидеть там горечь, надломленность, озлобление, вы могли обнаружить, что они светятся. Он выглядел так, как если бы он провел двадцать пять лет в отшельническом уединении! Он повторял, как он благодарен китайцам. В самом деле, с их помощью он научился ошеломляющей любви и сочувствию к тем, кто причинял ему зло. Он сказал: «Без них я бы просто продолжал изрекать банальности». Но то, что он был в тюрьме, заставило его обратиться к своей внутренней силе. В таких обстоятельствах ты либо идешь на дно, либо восходишь горé. Когда он освободился из заключения, он чувствовал только любовь и понимание по отношению к своим палачам (*Palmo*, 2003, с.76).

Хотя опытный клиницист всегда обращает внимание на заряженное влечением или отвращением мышление, когда оно есть, но по-настоящему замечательной вещью является наблюдать способность к преодолению самого себя (само-трансцендированию) и умение не ломаться под тяжестью обстоятельств там, где это действительно есть.

Духи и одержание

Обсуждение этого случая очевидным образом поднимает вопрос относительно существования духов и духовной зависимости. Есть много шансов в такого рода дискуссии сбиться с пути...

Имея в виду, каким образом обычно рисуется одержание злыми духами и экзорцизм, следует, очевидно, отметить, что ряд духовных учителей утверждает, что все люди предрасположены к тому, чтобы вступать в связи с различными полезными и неполезными духами, и во многом таким же образом, как мы склонны связывать себя с различными элементами. Поэтому они различают между зависимостью и одержанием, утверждая, что по большей части человеческая жизнь имеет дело с зависимостями, а не с одержанием, как это обычно рисуется народными представлениями.

Любой аспект человеческой или духовной жизни, отвергнутый или подавленный определенной культурой, будет стремиться проявить себя каким-либо искаженным и иногда разрушительным образом. Так что ясно, что, поскольку наша культура *ipso facto* приписывает «голосам» исключительно материалистическое или биологическое происхождение, дискуссии по поводу духовной зависимости легко могут приобретать извращенный характер.

Между тем, Священное Писание рисует мир, где мы окружены сонмами невидимых свидетелей. Как ребенок, воспитывавшийся в протестантской семье, я всегда испытывал недоумение относительно той онтологической разницы между миром, как он раскрывается в Библии, и оче-

видно одноплановым миром вокруг меня. Если то, что рассказывает нам Тед и другие пациенты, обладает какой-то достоверностью, то существует многое, что выходит за пределы того узкого круга реальности, который очерчивают даже и в некоторых семинариях.

Вопросы, которые поднимаются обсуждением нашего случая, указывают на нечто из области библейского взгляда на мир, что, хотя и не просто примирить с нашими современными схемами мироустройства, все же дает намек на какую-то истину. Вероятно, и наука, и Библия правы – каждая в своей области, однако мне кажется, что нужно позволить себе проникнуться духом библейских историй и оставаться открытым тому, что мир может являться очень по-разному, если смотреть с точки зрения различных форм сознания. Есть группы христиан, которые верят, что дьявол существует, но, к сожалению, некоторым из этих групп дьявол кажется вездесущим, и очевидно, что это вездесущее вырастает из глубокого страха и недоверия к миру.

Священное Писание и Церковь всегда поддерживали веру, что за всеми полярностями и сложностями видимого мира находится мир, полный истинной славы, где Бог реален, и любовь соединяет между собой все и вся. Мы все дети Божии, и Царствие Божие существует для всех, кто желает в него войти. Падшие духи могут существовать, но они низшие, как в знании, так и в силе, по отношению к светлым духам, которые обитают гораздо ближе к Божьему невещественному свету и добру. Реальность – это загадочная и очень сложная вещь, и мы должны достичь немалого разума, чтобы пройти испытания, которые будут возникать на нашем пути, но, в высшем и лучшем смысле, это все-таки хорошо.

ЛИТЕРАТУРА

- Markides Kyriacos*. The Mountain of Silence: a Search for Orthodox Spirituality. – New York: Doubleday Press, 2001.
- Medwick Cathleen*. Teresa of Avila: the Progress of a Soul. – New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Metropolitan Hierotheos of Nafpaktos*. Orthodox Psychotherapy: the Science of the Fathers. – Leviaia, Greece: Birth of the Theotokos Monastery, 1994.
- Palmo Ani Tenson*. Reflections on a Mountain Lake: Teachings on Practical Buddhism, цит. по «Spirituality and Health», vol.6, №1, 2003, с.76.

БОГОСЛОВСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Священник С. ПЛАМЛИ*

И клинициста, и пастыря случай Теда наводит на целый ряд размышлений. Как клинициста меня заинтересовали вопросы, связанные с его психологией и с терапией этого случая. Есть также разные возможности и пути посмотреть на это маленькое повествование с богословской точки зрения. Мне хотелось бы предложить один из подходов, который мне кажется продуктивным, и затем посмотреть на ситуацию Теда внутри этого богословского построения.

Сердцевина христианского православного переживания Бога есть Святая Троица. Мы понимаем, конечно, что наше переживание есть опыт Божественных энергий, а отнюдь не самого Бога, его сущности, за пределами тому, что способен охватить человеческий разум. Божественные энергии являют себя нам в качестве трех Личностей или Ипостасей, и, действительно, православные признают, что знают Бога только в ипостазированных энергиях. Нам неизвестен Бог в его Божественном бытии как таковом, но только в интерактивных компонентах Божественной жизни, открытых нам.

Кроме того, мы понимаем, что отношения между тремя Ипостасями есть что-то вроде «жизни Бога», а не просто «инвариантный организующий принцип» человеческой психологии, если использовать выражение Stolorow (*Stolorow, Atwood, 1992, с.97*). Бог, насколько мы знаем Его, есть динамическое внутреннее взаимодействие сотрудничества, любви и взаимной поддержки, которое осуществляют Трое в действиях по отношению к творению. Свойства и качества этих Трех часто описываются в терминах образа их бытия: Отец – безначальный источник прочих, Сын – несотворенный, но рожденный Отцом, Дух Святой – несотворенный, но исходящий от Отца. Однако, есть и другие характеристики трех Ипостасей, которые глубоко влияют на их отношения друг с другом и с нами, их созданиями. Воля Отца и его любящее или же наказующее поведение по

* *Стефен Пламли* (Stephen Plumlee) – доктор философии, кандидат богословия, православный священник прихода во имя Духа Святого г. Venice, штат Флорида, практикующий психотерапевт психоаналитического направления.

отношению к нам, когда мы верно следуем жизненному пути, который он нам предназначил, или же отклоняемся от него, есть источник нашего создания и вос-создания. Вторая Личность, открывающаяся как Слово в Прологе к Евангелию от апостола Иоанна, известна как причина порядка и всякой структурности в твари, а Дух Святой есть активирующий, энергизирующий источник. В Божественном Существом стремление Трех к теснейшей связи друг с другом есть то, что затрагивает нас больше всего.

Этот беглый и поверхностный обзор служит, в первую очередь, тому, чтобы сосредоточить наше внимание на сотворенной, человеческой стороне уравнения. Рассказ о Творении (Быт 1:26,27) указывает на два аспекта человеческого существа, которые отражают Божественное Существо. «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему...И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божьему сотворил его». Первый аспект, заявленный здесь, тот, с которым мы хорошо знакомы, касается образа и подобия. Православные христиане понимают, что мы, в первую очередь, сотворены с богоподобной творческой способностью, что с самого начала нашего существования мы обладаем способностью любить, созидать и сотрудничать, во-первых, в ответ на призыв Бога, но также и всего творения. Осуществляя такое творческое поведение, мы прорастаем все глубже в вечно развивающееся подобие ипостасям Бога.

Во-вторых, когда Бог разговаривает с Самим Собой и говорит: «Сотворим человека по образу нашему», он открывает нам, что он Бог внутренних отношений и общения, что Бог есть Троица. Открывая свое триадическое качество для познания, Бог тем самым также доводит до сведения, что человеческие существа, созданные по образу Бога для возрастания в подобие Бога, тоже тринитарны в своей сотворенной природе. Поскольку Бог есть отношение Трех внутри Него, и мы созданы, чтобы походить на Него, то каждый из нас тоже есть отношение трех внутри нас. Если Бог есть внутри-деятельный в любви, сотрудничестве и взаимной поддержке, то из этого следует, что каждый из нас такой же; что внутри нас мы также имеем дело с заботой, поддержкой и сотрудничеством.

Неразлучность и стремление ипостасей Бога друг к другу, есть источник и образец наших собственных внутренних взаимодействий и столкновений. Часть меня, стремящаяся к соединенности, уравновешивается и поддерживается частью, стремящейся укрепить здоровую отделенность. Эти две части обоюдно оберегает и окружает заботой некий мой элемент, который является посредником в отношениях целого с внешним окружением...Каждый из трех элементов нашей собственной ипостаси должен занимать свое место в целом человеческом существе, и целое суще-

ство не может существовать без того, чтобы каждый элемент занимал свое, связанное с другими, место.

Случай

Давайте теперь обратимся к случаю Теда. Его либидо, то есть его стремление к соединению, как в форме личной привязанности, так и членства в группе, выглядит достаточно сильным. Это отлично видно из следующей фразы в тексте «Хитросплетения человеческой личности»: «Больше всего в жизни его тянуло к мужчинам». Эта тяга демонстрирует основную движущую силу (побудитель) человеческого существа. Тед жаждет личной привязанности, соединения в радости общности со своими братьями – другими созданиями Божьими. Кроме того, как это всегда бывает с либидо, он жаждет быть принятым в члены группы (или, фактически, групп), чтобы обмениваться энергией с целым кругом других людей, к которым он принадлежит. В нашем случае это группа по половой принадлежности, мужчины.

Жажда Теда доставляет ему неприятности, так как он переживает это стремление как сексуальное. Он твердо усвоил, что желание сексуальной близости адресуется противоположному полу, что «правильным» объектом для этого желания является женщина. Он знает, что сексуальное либидо в той группе, членом которой он себя мыслит, нормативно сосредотачивается на женщинах, что если он испытывает желание к мужчине, то он, в определенной степени, оказывается вне групповой идентичности, и это вселяет в него тревогу. Тед нуждается в сильном компоненте внутри собственной личности, чтобы он удерживал его от погружения в забвение себя внутри группы близких ему, то есть мужчин.

Здесь можно было бы ожидать, что в предполагаемом развитии имеет место еще один цикл, связанный с тем, что вращается вокруг либидозной идентичности, но отличный от него. Речь идет как раз о внутреннем компоненте, который воспринимает «я» как нечто дифференцированное, отдельное, отличное от других членов группы. В какой-то терминологии эта часть известна как «Я», в другой – как «противо-либидозное «я». В любом случае, каковы бы ни были термины, за ними стоит необходимая функция ограничения импульса соединения со всем остальным творением. Ее цель – не сокрушить или убить энергию либидо, но управлять ею.

У Теда этот аспект, похоже, чрезмерно развит, так как, хотя в его случае можно было бы ожидать, что энергия либидо будет направляться от тотальной ассимиляции в отношениях с мужчинами к отношениям с женщинами, происходит нечто совсем иное. Панический страх поглощения не дает ему возможности вступить в отношения с женщиной – по его

собственному признанию, «он просто не мог взять на себя какое-либо обязательство» и должен держаться на расстоянии, чтобы не дать женщине подавить себя. Его ипостась различения и отделения своего «я» работает сверхурочно и не дает ему по-настоящему соединиться с другими; он боится, что будет поглощен. Несколько лет он жил с женщиной, не имея с ней сексуальных отношений, а в его сексуальных фантазиях часто фигурируют мужчины, что заставляет его бояться интимных контактов с ними. Итак, в результате, Тед не способен функционировать как существо, обладающее либидо, ни с одним человеком ни того, ни другого пола. То есть, его способность утолять свою жажду глубокой близости уничтожена его энергиями обособления.

Таким образом, очевидно, что третий ипостасный аспект его «я», тот центральный аспект, который должен регулировать соотношение между его либидо и противо-либидо, а также между ними двумя и внешним миром, лишь только внешне, поверхностно развит. Мы знаем совсем немного о том, какое место занимает в его жизни работа, однако, в возрасте шестидесяти шести лет он финансово независим и активно вкладывает деньги в недвижимость. Нам следует заключить, что его способность эффективно взаимодействовать с окружением развита вполне достаточно для того, чтобы он мог обеспечивать свои собственные физические нужды. Мы знаем, что у него начали складываться не-сексуальные отношения с другим мужчиной. В этом намечающемся процессе он, по-видимому, полагается на противо-либидозные силы другого мужчины, которые не позволят ему сорваться в гомосексуальную связь.

Поскольку мы взяли за богословский разбор случая, мы должны теперь обратить наше внимание на отношения Теда с Богом. По-видимому, его духовная жизнь также страдает от того, что развитие ипостасей происходило с задержкой или было подавлено. Он заявляет свою приверженность христианству, но при этом нет ощущения какого-то его личного опыта общения с Богом. Когда он познакомился с Иисусовой молитвой, то, похоже, вначале нашел в ней какое-то облегчение и передышку от борьбы с осуждающими голосами внутри него. Однако, в конце концов, голоса опять начали свою злобную критику. Являются ли голоса порождением самого Теда – голосами общения недостаточно развитых и связанных между собой триадических аспектов, или это есть проявление злых духов, воспользовавшихся слабой организацией его личности, остается неясным. Как бы то ни было, эта часть описания случая указывает на ограниченные, усеченные отношения со Святой Троицей.

Создается впечатление, что тяготение Теда к христианству – морализаторской природы. То есть, первичным побуждением для него может

быть не общение или соединение со Святой Троицей, Богом Живым. Его упование может быть в том, что нравственное учение христианской традиции даст ему внешний источник контроля и ограничения его энергии либидо. При таком расположении духа христианская этика есть сдерживающее начало его стремления к соединению, которое, как он боится, приведет его к сексуальному поведению и последующей за этим потере себя в другом. С точки зрения православного богословия, с другой стороны, цель совершенствования – не соответствие абстрактному образцу поведения, но общение с Богом, на пути к которому человек разделяет христианскую нравственность в качестве некоего остова, который предохраняет и формирует движение человека вперед. Это подразумевает, конечно, триадическое общение с братьями, движущимися в том же направлении, и все более прочную интеграцию триединства внутри человека. Все эти виды «общения», если они ведутся успешно и развиваются, питают и поддерживают друг друга в непрерывном росте от славы к славе. «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3:18).

Страх поглощения серьезно мешает способности Теда питать и поддерживать созревание его трех частей. Очевидно, воспоминание о раннем детском переживании, когда он нежился в теплой и пахнущей потом отцовской промежности, служит в качестве спускового крючка для его тревоги по поводу эротического удовольствия, связанного с мужчинами. Его отношение к тому, что мать использовала его в качестве куклы, одевая как девочку, привела еще к одному постоянному страху, на этот раз страху утратить членство в мужском клубе, быть втянутым в женское пространство. Результатом стал паралич либидо почти на семьдесят лет: Тед боялся использовать эротическую энергию в отношениях с другими и, соответственно, в своих внутренних отношениях тоже. Его развитие – духовно и психологически – было извращено: то есть, он научился подавлять и контролировать свои эротические импульсы, прежде чем мог испытать в полной мере эротическую любовь. В нормальном развитии радость и сила эроса (т.е. либидо-энергия любви) дают о себе знать в младенческом возрасте и позже, в пубертатный период; затем уже может выйти на сцену второй аспект (противо-либидо) – аспект придания формы и перенаправления этой энергии, аскетический процесс. В то же время появляется центральное «я», чтобы служить посредником между двумя аспектами. В результате того, что этот процесс у Теда был извращен, мы имеем угнетение образа Божьего и сведение на нет роста подобия.

Однако все это не делает случай Теда безнадежным. Каждый из нас, на каком бы мы ни были этапе нашего личного пути «от славы к славе», борется за соработничество с благодатью Святого Духа. На этом пути каждый претворяет волю Отца в свою жизнь, и в результате действия Сына, направленные на наше спасение, могут исправить искажения нашей личности. Участвуя в этом делании, каждый становится выразителем богословия Церкви, то есть, опыта откровения Троицы, в процессе все укрепляющегося триединства внутри своего «я».

Предложения по лечению

У меня есть несколько предложений по ходу психотерапевтического процесса. Один из типов взаимодействия между клиентом и терапевтом, который мне часто казался эффективным, заключается в том, чтобы корреспондировать с тем аспектом «я», который активен в текущий момент сессии. То есть, когда Тед говорит о своем страхе, что он может вступить в половой контакт с другими мужчинами, я могу зеркально вернуть ему его заявления, перефразируя их, одно за другим. Я могу также сопроводить эти вербальные отражения отзеркаливанием его позы и жестов. Я обнаружил, что когда я делаю это с кем-либо, чье мышление столь же хорошо развито, как у Теда, то почти всегда два других триадических аспекта «я» немедленно возникают, чтобы заявить о себе. Это движение часто имеет форму высказываний «но с другой стороны...», а также глобальной перемены в позе и жестикуляции. В результате клиент начинает осознавать силу своих других, модулирующих аспектов «я», у него появляется твердое ощущение, что он созрел, чтобы позволять всем своим элементам действовать активно, и не подавляя при этом других.

Я мог бы предложить также Теду представить в словах, жестах, простейших формах искусства свои самые пугающие фантазии. Это должно быть сделано осторожно, на твердой основе нравственных ограничений, свойственных вере Теда. Какой-нибудь вывод, который он мог бы сделать о том, что проявление этих фантазий одобряется, способен был бы привести лично его и саму терапию к кризису. Однако, проговаривание в деталях своих фантазий часто приводит к тому, что эти фантазии начинают распознаваться как не более чем символическое выражение стремления к власти или близости и, вследствие этого, теряют способность терроризировать своих обладателей. Хотя обсуждение абстрактных понятий не предусмотрено в качестве неперменной части психотерапевтического процесса, я мог бы также предложить Теду ознакомиться с рассмотренной ранее концепцией тринитарных аспектов

«я». Если ему удастся ухватить суть этой концепции, он, возможно, будет меньше пугаться, когда какая-нибудь одна из частей овладевает им.

Думаю, что я также поощрял бы Теда к участию вместе с другими мужчинами в таких видах активности, как спорт и другие физические занятия. Членство в мужской группе чрезвычайно важно в развитии прочной мужской идентичности, особенно в подростковый период, на той стадии, на которой Тед, судя по всему, остановился. Чем более прочно Тед будет чувствовать себя связанным с другими мужчинами, тем надежнее будет его способность воспринимать себя отчетливо как мужчину, и тем менее он будет бояться поглощения женщиной.

И, наконец, если условия терапии позволяют, я бы хотел дать Теду какой-то плацдарм для развития осмысленных отношений со Святой Троицей. Учитывая его приверженность христианской вере, побуждение к этому могло бы носить форму исследования характерных черт трех ипостасей Бога, с которыми он уже чувствует свою связь. Возможно, я предложил бы ему отрывки из Библии, в которых показано совершенно особое и, однако, совместное действие Лиц Троицы. Если покажется, что он не против сделать еще один шаг, то можно познакомить его с иконой Святой Троицы, и вместе порассуждать над ней. Здесь могут также пригодиться какие-нибудь отрывки из тринитарного богословия. Эти последние действия должны быть также предприняты с исключительной осторожностью и постоянным наблюдением за реакцией Теда на каждый шаг. Было бы чрезвычайно губительным и для него лично, и для самой терапии, если бы он начал воспринимать действия терапевта как прозелитические, а не психотерапевтические.

ЛИТЕРАТУРА

Stolorow Robert D., Atwood George E. Contexts of Being: The Intersubjective Foundations of Psychological Life. – Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 1992.

КОММЕНТАРИЙ ПАСТЫРСКОГО ПСИХОЛОГА: ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ ПАСТЫРСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Д. ЖАКЕ*

Ознакомившись с этим случаем, мы в первую очередь понимаем, что Теда, наконец, встретился с терапевтом, у которого все в порядке с терапевтическими границами, который настроен говорить о фантазиях Теда, не отмечая их как нечто полностью иллюзорное и несущественное, но и не полагаясь всецело на антипсихотики, чтобы избавиться от них. Пребывая с клиентом как внимающее и целительное присутствие, терапевт, в то же время, адресует ему следующее сообщение: «Я буду здесь, я – терапевт, ты – клиент». Это новый и важный опыт для Теда, учитывая его предыдущее общение с терапевтами, когда в одном случае им занимались слишком уж плотно, а в другом – недостаточно плотно. По-видимому, для Теда близость равна сексуальной близости, и он борется с собственным образом «я» (self-image), с собственной половой идентичностью и с сильнейшей тоской по мужскому общению в своей жизни.

Первый шаг к реальной помощи своему клиенту терапевт сделал тогда, когда с первой же встречи начал с уверенности, что фантазия – это проблема. Очень важно для терапевта заложить некоторый фундамент, который позволит клиенту обращаться к нему с тем, что он действительно переживает, не опасаясь, что он будет унижен или подвергнут моральному осуждению. Терапевт создает атмосферу поддержки, которая не должна развеиваться и исчезать, пока клиент идет к пониманию, собирает силы и средства для перестройки своих мыслей и признания своих чувств. Терапевт обращается к целостной личности Теда и, как пастырский консультант, призван на время быть Церковью для своего клиента, в то же время стараясь выполнить роль моста между клиентом и Церковью.

* *Деметра Жаке* (Demetra Jaquet) – кандидат богословия, пастырский консультант, директор Центра пастырского консультирования в г. Денвер, штат Колорадо, преподаватель университета Regis в г. Денвер.

Отношения между Тедом и терапевтом, в какой-то мере, сами являются целительным средством. Терапевт говорит: «Давайте об этом побеседуем», почти как духовный отец, протягивая своему пациенту руку, чтобы сопроводить его в духовном развитии. В то же время он служит для Теда образцом здоровой самодисциплины и допустимых границ эмоциональной близости, а также показывает пример неэгоистичных, нацеленных на поддержку намерений внутри однополюх отношений.

Пастырское консультирование является уникальным служением междисциплинарного характера, которое требует тонкого восприятия клиники и, в то же время, осведомленности в духовных вопросах. Пастырские консультанты обычно имеют и богословское, и психологическое образование, и признают целительное присутствие Духа Святого как главного действующего лица в терапевтическом пространстве. Православный пастырский консультант понимает присутствие Духа как милосердный отклик на человеческую нужду, как нечто, способное направить клиента, который согласен взять на себя обязательство синергичного участия в процессе спасения, к излечению и души, и тела.

Случай отсылает к православному пониманию *помыслов*. Должно быть, полезно дать краткое определение на этот счет. Митрополит Иерофей Влахос, в своей книге «Православная духовность», определяет душевно-плотского человека как «существо недуховное, лишенное Духа Святого» (*Hierotheos Vlachos, archim., 1994*). Он определяет помыслы как «мысли, которые связаны с образами, а также с различными побуждениями, возникающими от ощущений и воображения. Они называются помыслами, потому что действуют в уме, в области мысли. Мысли созданы, чтобы быть естественно обращенными к Богу Логосу, но некоторые, взамен этого, могут устремляться к греху. Разум, желание и воля отворачиваются от Бога на что-то другое и становятся страстью или тем, что психология может упоминать как *фиксацию*» (*там же, с.56*).

Митрополит Влахос описывает три стадии духовного выздоровления человека – это, во-первых, очищение сердца от страстей (*praxis*) для того, чтобы подготовить его к просвещению (*theoria*) – второй стадии, которая есть ни что иное, как видение Бога (*там же, с.59-60*). *Theoria* может прийти как дар Духа Святого, когда воля открывает сердце и отдает его во власть благодати Его целительного присутствия и действия. Процесс соучастия в этой благодати Божией есть третья стадия, называемая обожение (*theosis*), становление по благодати тем, что Бог есть по природе (*там же, с.56-57*).

Соучастие в Божией благодати и получение исцеления Христова происходит через участие в Таинствах и аскетическую практику. Через Таин-

ства сердце получает нетварную благодать и Божественную энергию. В Таинствах в нас переливается животворящий Дух Святой, чтобы лишить силы болезнь греха, исцелить и возвратить наши сердца к Богу (*там же*, с.66). Аскетическая практика укрепляет нас посредством лекарства веры и врачевания дисциплиной. Очищение сердца включает три способности человеческой души: мыслительную способность, выражающуюся в интеллекте, разуме; вожделевательную способность, выражающуюся в желании, вожделении; и раздражительную способность, выражающуюся в воле. Все три способности, функционируя в соответствии со своей сотворенной Богом природой, обращены к Богу. Разум ищет Бога, желание стремится к Богу, а воля должна делать все, чтобы было достигнуто это общение и соединение с Богом (*там же*, с.63).

...Святые Отцы определенно подчеркивали, что сердце может быть очищено от помыслов. Освобождение начинается с покаяния в них. Когда все подобные помыслы изгнаны, и сердце очищено, человек становится в большей степени способным к общению, более уравновешенным, более адекватно ведет себя среди других людей, так как эгоистическая любовь к себе не довлеет больше в сердце над любовью к Богу и к человеку. Только Христос, истинный Врачеватель внутреннего человека, способен в таком случае излечить человеческое естество, исцелить душу и украсить ее покровом Своей благодати. Что врачует в первую очередь и более всего – это человеческое сердце. Здесь мы видим резкое расхождение между Церковью и секулярной психологией. Пастырское консультирование клинически реалистично и духовно опытно в понимании собственных возможностей и ограничений в том, чтобы, подобно Иоанну Крестителю, сделать прямым путь Господу и его таинственному врачеванию.

В ряде направлений секулярной терапии предлагаются стратегии, разделяющие идею ухода от негативных мыслей, но при этом не затрагиваются духовные глубины, пораженные этими мыслями. Когнитивная терапия могла бы сказать, что мысли Теда поражают/заражают его эмоции и поведение, и предложила бы некоторые техники остановки мыслей. В сотрудничестве с терапевтом Тед мог бы разработать альтернативный сценарий, который носил бы в кармане или выучил наизусть, и прерывать с его помощью подобные мысли. Рационально-эмотивная терапия могла бы предположить, в качестве полезного шага, отвлечь Теда на какую-то другую, более гармоничную мысль. Системный семейный подход мог бы пойти навстречу голосам и попытаться иметь с ними дело как с частью единого организма, обращаясь с ними с любовью, почти как Христос обращается с нами, грешными, и способствуя внутреннему диа-

логу для обретения нового видения. Чисто медицинские подходы могли бы совсем обесценить идею помыслов, рассматривая их как галлюцинозные симптомы заболевания, но никогда не беря в расчет их способность увлекать сердце прочь от Бога. Ни один из этих подходов, однако, не обращается к Божией власти и силе для исцеления души. И здесь возникает закономерный вопрос: чем же именно терапевт заменяет старые фантазии? Если помыслы отсечены, что послужит Теде их замещением?

Пастырское консультирование как дисциплина возникло в контексте и культуре Западного христианства. В своей последней книге «Надежда в пастырском попечении и консультировании» пастырский консультант Andrew Lester убедительно показывает, что пастырское богословие (так же как социальные науки и науки о поведении) не обращало деятельного внимания на главную причину человеческого страдания, которую он определяет как отсутствие надежды, чувство того, что не на что уповать в будущем, которое приводит к отчаянию. Он утверждает, что «пастырское богословие в лучшем случае позволяет взаимную критику между знанием, порожденным человеческими науками, с одной стороны, и мудростью христианской традиции, основанной на библейском, историческом, этическом, философском и систематическом богословии, с другой стороны» (Lester, 1995, с.6). Очевидно, для православных христиан эта модель не покажется подходящим средством для излечения Теда, поскольку то, что она предлагает, опять же принадлежит интеллектуальной области, области человеческого рассудка.

Казалось бы, техника замещения может оказаться полезной для душепопечения, если процесс – для того чтобы обеспечить сдерживание – направляет Теда к некому религиозному структурированию жизни – чтению молитвенного правила, регулярному изучению Священного Писания, чтению святоотеческой литературы. Но опять, хорошо начавшись, все это ни к чему не приводит, ибо чисто структурный подход к тому, чтобы исключить оскверняющее присутствие помыслов в сердце, не соответствует духовным основам Православия. Опыт личного общения со Христом, который эти структурные моменты могли бы лишь стимулировать, – вот что способно принести исцеление.

Для православных христиан, тем, что заместит собою фиксации, и что будет преобразовать сердце Теда, является жизнь Церкви. Главная роль отдается регулярному участию в Евхаристии и молитвам Церкви об исцелении. Небольшие шаги в самодисциплине, постоянное упражнение в которой происходит в процессе участия в таинственной и молитвенной жизни Церкви, могли бы постепенно развить мускулы его воли. А молитвенная поддержка других людей, так же как их доброжелательное отно-

шение, могли бы только помочь ему. Но Тед закрыт со всех сторон броней помыслов, которые вырываются из него наружу посредством его «голосов».

Приступая к плану лечения, терапевт должен знать, к чему он стремится. Помогая Теду сместить фокус внимания с его фиксаций, пастырское консультирование ставит целью не лечение само по себе, но лечение в Боге. Если конечным пунктом является Бог, то использование мирских средств может быть чрезвычайно полезным. Однако, для Православия лечение в Боге – это еще не все, хотя и прекрасное начало. Исцеляясь, человек становится «с» Богом, и, в конечном итоге, у него отпадает нужда в мирских, секулярных средствах.

Роль страдания

Мало того, что и так вся жизнь Теда шла кувырком, печаль и тревога его, вероятно, усилились после того, как у него обнаружили рак. Печаль принадлежит разбитому сердцу, но не больному мозгу. Попытки исцелить сердце с помощью головы могут начать процесс, но, в конечном итоге, скорее всего, провалятся, потому что голова – неподходящее средство для этой цели. Здесь дело касается утраты доверия и последствий, которые это имеет для людей. Когда больше нет доверия, люди рационально могут решить, что просто надо жить дальше, но обнаруживают, что не хотят ни с кем вступать в близкие отношения, потому что боятся, что их бросят. Такая изоляция ведет к дальнейшему углублению недоверия и усилению тревоги.

При каких-нибудь угрожающих жизни обстоятельствах происходит потеря веры в неизменность вещей, возникает страх неизвестного, и кризис может давать неотступное ощущение необходимости помнить о грядущей потере и даже ее избегать. Психология и науки о поведении могут работать с преждевременным переживанием несчастья, уподобляясь граблям или мотыге, помогающим расчищать от обломков развалины жизни клиента. Дух Святой может идти дальше, часто используя преждевременное страдание в качестве плуга для превращения окаменевшего сердца в подходящую почву, которая сможет принять семена для нового возрастания во Христе и должна быть, затем, полита слезами искреннего раскаяния.

Терапия стремится к восстановлению, полноте и завершенности, преодолевая избегание и изоляцию. Незавершенное переживание несчастья порождает сверхбдительное оберегание себя от любой эмоциональной боли и нежелание создавать новые связи, так как был опыт конфликта в прошлых отношениях. Доверяет ли Тед кому-нибудь? Может быть, како-

му-нибудь из своих голосов? И кому доверяют его голоса? Будет ли он способен довериться терапевту в том, чтобы тот повел его к реализации преобразующего потенциала этого жизненного кризиса?

Люди часто борются с неразрешенными чувствами, перенося свои эмоции в другие сферы. В нашем случае возможно предположение, что голоса несут на себе отщепленные эмоции Теда. Выздоровление фиксируется как некий момент в процессе переживания горя, когда человек весь целиком способен участвовать в новых отношениях. Может быть, часть терапии должна заключаться в том, чтобы добиться какого-нибудь контакта между этими голосами и Богом внутри Теда? Может, их следует изгнать, или их вкусы должны быть перевоспитаны, а они сами обращены на путь истинный? Чтобы вступить в новые отношения и со своими голосами, и со своим Богом, Теду необходимо будет обрести новые полезные навыки, отучившись от старых и постепенно их заместив. Но, что важнее всего, он должен будет научиться доверять Богу и возлагать свои упования на Него.

Проживание горя можно рассматривать как процесс постепенного отмирания себялюбия, привычки придавать себе особую важность. Это духовная проблема. Чувство собственной ценности должно быть присуще человеку как основание для здоровой жизни, однако, оно может стать препятствием для жизни во Христе. Мир учит нас приобретать, а не терять. Мы привыкли по мере возможности укреплять нашу самооценку, а не умалять важность самих себя ради других. Человеческая персона осуществляет себя в качестве центра мира. Мы рассматриваем потерю и уменьшение как причину несчастья. Таким образом, возникает вопрос: есть ли проблема Теда только психологическая, или она уходит куда-то глубже? Можно ли вылечить Теда одним психологическим реструктурированием, или он должен был бы, в действительности, уповать на исцеление души? Результат и прогресс в работе с переживанием горя измеряется в особенностях поведения, установках. Но когда нам удается подняться над призрачной стороной жизни и увидеть истинную природу прогресса, мы обнаруживаем, что он измеряется способностью человеческого сердца любить.

О демонах и сексуальности

Изгнание демона связано, по Писанию, со знанием имени определенного духа. Если вы знаете чье-то имя, вы обладаете властью. Бог поручил Адаму дать имена животным, и, тем самым, дал ему власть управлять ими (Быт 2:19-20). Бог открыл Моисею свое имя, другое, чем то, каким обладаем мы, он ответил ему: «Я есмь Сущий» (Исх 3:14). В Евангелии от Марка Господь изгоняет злых духов, которые открывают Ему свое имя,

«Легион», признавая в Нем господствующего над ними (Мк 5:9-12). Мы можем знать что-то интуитивно, но называя, определяя его, мы получаем над ним власть. Умение объективировать, избегая отождествления, поглощения и даже одержания духами, должно начинаться для человека с названия их. Источники и голоса садомазохистских фантазий Теда требуют рационального и, наверное, интуитивного обнаружения их имен, их намерений, их целей, их страхов, их задач, того, что ими владеет. Как далеко эти самопроизвольные голоса заходят в своих намерениях уклоняться от Бога? Насколько они сильны в том, чтобы контролировать естественную склонность Теда свободно подчинять свою волю тому, чтобы следовать Богу? Как и когда его здоровые сексуальные желания были извращены помыслами? Отвечая на эти вопросы, необходимо принять в расчет всю сложную историю взаимодействия в Церкви между двумя способами обращения с человеческой сексуальностью – безбрачием и браком – а также рассказы Теда о его собственном сексуальном опыте и то, что из них следует о значении этого опыта.

Спрашивал ли кто-нибудь Теда о чувствах, которые он испытывал, когда мать наряжала его как девочку, или о его мучительных воспоминаниях о физическом контакте с отцом? Мы учимся жить у своих родителей, но это не означает, что то, чему нас научили, правильно. Называл ли когда-нибудь Тед словами, что он чувствует, что родители его предали? Что он испытывает по поводу своих гомосексуальных склонностей? Активен ли он в сексуальных отношениях? Раскаивается ли он от всего сердца или просто ищет какого-то облегчения? Пастырский консультант мог бы попросить его описать собственные реакции как физический образ и научил бы просить помощи Духа Святого, до тех пор, пока не удастся мысленно изгнать этот образ. Православный пастырский консультант мог бы помочь Теду обозначить словами – именовать – власть и подлинную сущность тех духов, с которыми он борется, а также духовный путь жизни и молитвы, который способен лишить их силы и окончательно изгнать.

Каким образом можно было бы переработать и продуктивно использовать на благо терапевтического процесса сексуальные фантазии Теда по отношению к терапевту? Как можно найти что-либо доброе в сексуальных фантазиях, что-либо устремленное к Богу? Традиционно, Православие не дает нам здесь никакого способа. Ответ, который является частью холистического духовного делания, рекомендованного Святыми Отцами, в особенности монахами-аскетами, состоит в отсечении фантазий посредством аскетической практики. Я сомневаюсь в существовании какой-либо артикулированной святоотеческой практики «рефрейминга» с

целью выявления эмоциональных первопричин и потребностей, которым они служат. Как представляется, в свято-отеческом толковании помыслов негативная или деструктивная мысль принципиально отлична от Богоцентрированной мысли тем, что она подпала под власть того искажения истины, которое принадлежит Лукавому. И психология, и духовная практика стремятся освободить человека от деструктивных энергий. Эти две дисциплины не исключают друг друга, но каждая обладает своими особыми средствами.

Пастырский консультант мог бы попробовать здесь другой подход, чем «отсечение», который держал бы предмет сексуальных фантазий в центре внимания, в то же время помогая клиенту посредством определенных техник справиться с его властью над ним. Это могло бы помочь Теду понять связь его голосов со специфическими потребностями того голоса, который пытается всячески сдерживать и контролировать его терапевта, используя те приемы, которые прежде срабатывали, сбивая предыдущих терапевтов Теда.

В зависимости от вероятности и тяжести диагноза множественной личности, терапевт мог бы попробовать прислушаться и заняться по-настоящему голосами, каждый из которых отчаянно рвется заявить о себе в своей амбивалентности – между тем, чтобы выразить стремление к близости с другими людьми и, в конечном итоге, с Богом видимостью контроля, посредством садомазохистских форм взаимодействия, и стыдом, стоящим за этим.

Если фантазии были первоначально порождены самим Тедом, а позже зажили, как он утверждает, «собственной жизнью», то здесь можно было бы применить рефрейминг, чтобы использовать это как позитивную проективную технику, которой клиент определенно уже владеет. Беда здесь в том, что он не может направить технику на благие цели, с его неспособностью контролировать технику, прибранную к рукам Лукавым, и в отсутствие знаний и опыта в том, чтобы управлять применением этой техники.

Врывать себя из-под бомбардировки повседневными мыслями с помощью внутреннего обращения к Иисусовой молитве – вот в чем заключается «техника», в общих чертах обрисованная в «Откровенных рассказах странника» (1978, с.78). Православные христиане верят в силу имени Иисуса Христа. Пастырский консультант может подтолкнуть Теда к тому, чтобы он научился полагаться на эту силу, упражняясь в Иисусовой молитве, или заучивая и повторяя на память отрывки из Священного Писания. Чтение псалмов, пост или любые, пусть небольшие, но постоянные упражнения, также могли бы помочь Теду развить волевую способность

направлять свой разум, чувства и поведение к постоянной памяти Божьей. Вопрос о способности отвечать за себя, вероятно, встал бы здесь с самого начала, и твердая, но заботливая рука терапевта, а также полученные новых сведений были бы очень важны.

Обряд и символ

Обряды и символы Священного Писания, Литургии и Таинств Церкви есть врата к исцелению, задающие форму и направление душе и, в то же время, призывающие Святого Духа придти и взять весь процесс в Свои руки. Если терапевтические приемы укоренены в сознании присутствия и действия Духа Святого, если всем сердцем и волей человек посвящает их этой цели, то они могут быть преобразованы в нечто большее, чем «приемы», «техника», и способны стать обрядовым действием в полном смысле того, как это понимается в Православии. Если обряды, символы, литургическое действие, подобно иконам, есть окна в Царствие Божие, это теснейшим образом связано с тем, что они несут в себе молитвенную энергию, намерение и устремление сообщества христиан.

Лишенные этого, они вполне могут превратиться в пустую бессмыслицу врат адовых. Каждый из нас должен стремиться к постоянному бодрствованию и пресекать в зародыше помыслы, которые могут иначе дать всходы и срастись с тем добрым, которое Бог насаждает в наших сердцах. Здесь терапевт действует как духовный отец, направляя клиента своим опытом и примером по наиболее прямому пути к Богу.

Молитву перед иконами называют разновидностью богословствования, и в то же время ее можно сравнить с проективной техникой: икона имеет свое содержание, но говорит со мной в соответствии с тем, что я привношу в нее. Однако, если мы отдаем «технику» под покров Духа Святого, то тогда это позволяет молитве перед иконами перенести нас на глубочайшие уровни духовной реальности. Демоны, атакующие нашего клиента, будь они выдуманные или же настоящие, напротив, уводят его прочь от реальности Бога, по ту сторону все расширяющейся пропасти. Если икона начинает с ним говорить, ему следует применить верный и испытанный способ проверки духов – произнести имя Христа и этим именем приказать ему выйти. Обычно это сопровождается усердным и многократным повторением Иисусовой молитвы с полным сосредоточением на ней. Известны рассказы св.Антония о настоящих физических, телесных сражениях с силами зла. Хотя его столкновения с ними происходили в завершение целой жизни духовной борьбы, все же возможно для клиента, не столь искушенного в молитве, испытывать некий физический отклик своей дружбы с фантазиями или духами зла.

Одна из проблем, которую я испытывала с подобными пациентами, заключается в том, что их понимание молитвы часто столь же сильно затруднено, как и их способность свободно откликаться на Божий призыв. Поначалу, долгое время, молитва кажется чем-то механическим, безотрадным, лишенным внутреннего эмоционального отклика и омраченным постоянным беспокойством о том, «правильно ли я это делаю». Но если молитва «предписывается» терапевтом с той же степенью регулярности и строгости соблюдения, которая предполагается при приеме химических препаратов, то достигнутая степень организации, в конце концов, дает умиротворяющий эффект, растущее ощущение способности самому управлять собственными фантазиями и контролировать разрушительное свойство страстей при любом случае тянуть нас обратно в болото. Более глубокая личная связь со Христом может образоваться позже, в соответствии с потребностью этого человека и действием Духа Святого. Обряд также является разновидностью богословствования. Здесь формальное поведение призывает реальность Царствия Божиего – посредством Духа Святого – явить свое присутствие и свое действие среди участвующего в богослужении церковного сообщества.

Божественная Литургия, Евхаристия, Молитвы Часов – все они включают в себя ритуальные жесты и позы, которые призваны не просто к символической передаче определенных смыслов, но, что более важно, к тому, чтобы приводить глубочайшие уровни нашего существа в соприкосновение с Божественным Присутствием. Точно так же, притчи Священного Писания есть словесные жесты, переносящие человека из одной реальности в другую: «Царствие Божие подобно ...» и т.д. А толкование Писания святыми отцами дает дополнительную возможность перейти от буквального понимания к бесконечно углубляющемуся духовному пониманию – пониманию духа Мудрости как открывающегося в Писании и через Писание хлеба жизни.

Обряд, являясь вратами в духовный мир, несет в себе возможность преображения. Повторяющееся и стилизованное по одному образцу действие, когда оно совершается в контексте сообщества, в особенности молитвенного сообщества, не только ведет нас за собой к большему пониманию, чем мы способны достичь сами, но также показывает ориентиры на этом пути. Духовная жизнь и молитва в общине дают и то ощущение принятия и принадлежности, которое люди должны испытывать, чтобы открыться Божьей любви. Православный обряд не просто символизирует другую реальность, он действительно открывает двери и приглашает нас участвовать в ней.

Наверное, пастырское попечение в случае Теда могло бы включать в себя предложение попробовать петь, читать, декламировать церковные тексты, т.е. предпринимать повторяющееся обрядовое действие, или, еще лучше, начать понемногу поститься, взойдя, таким образом, на первую ступень аскетической духовной лестницы. Конечно, борьба за то, чтобы не позволить фантазиям свободно царить, а в конечном итоге и за то, чтобы не дать им спонтанно вторгаться в его сознание без попытки с его стороны сдерживать их усилием воли, – есть нечто фундаментальное в контексте его долгосрочной цели быть в достаточной мере начеку, чтобы предотвращать господство фантазий над собой.

Терапевт дал Теду пространство для дальнейшего движения и развития, даже если Тед пока еще не покончил со своими фантазиями. Терапевт не совершал хирургической операции. То, что является страстью для Теда, не было отсечено. Но как духовный отец, терапевт помогает Теду научиться использовать собственные желания и стремления на благо того, что является для него здоровым. Он показал ему цель и подлинное благо чистой и трезвенной жизни ума и, в то же время с сочувствием и тактом поощрял к тому, чтобы Тед шаг за шагом и день за днем ослаблял свою зависимость от фантазий. Тед получил руководство и начальные навыки в практике низведения ума в сердце, в том, как сохранять бдительность к его загрязнению жаждущими добычи страстями.

...Логос обитает в любом человеке, и связь его с Богом остается, даже если он переполнен фантазиями и страхами. Очевидность этого бесспорна уже с того момента, как Тед явился в кабинет терапевта, продолжая искать помощи, чтобы избавиться от фантазий и от своей зависимости от них, которую он осознавал. Тед, может быть, смутно, но все-таки понимал истинное значение любви-агапэ как вольного самоотречения ради других и эроса в его качестве влечения к доброму, и это смутное ощущение было причиной того, что он не отказался от идеи терапии, невзирая на риск нарушить свой статус кво и на прошлый опыт, в котором его использовали.

Призывание Духа Святого присутствовать рядом и являть свое действие в отношениях между клиентом и терапевтом есть основная опора пастырского консультирования. Для православных, однако, фокус, скорее, смещен к присутствию Духа Святого в душе или сердце клиента. Внутренние отношения Святой Троицы есть основа для всех отношений, модель устройства человеческого общества и надежный оплот против вторжения в сердце нездоровых страстей. ...Ясно, что Тед должен трудиться над изменением своего поведения. Психологические и поведенческие модели социальных наук, соединенные с богословскими пред-

ставлениями для придания смысла, будут работать на очищение внешней стороны чаши. Но настоящего изменения не произойдет, если сердце, откуда исходят все побуждения, также не будет очищено. Подходящее сочетание социальных, поведенческих и психологических техник, пусть нередко и эффективных, иногда все же не помогает, даже если под них подведен богословский фундамент. Православные христиане считают необходимым полное преобразование души, которое требует полноты православных Таинств, молитвы и жизни в духе для очищения сердца от помыслов.

Заключительные вопросы

С точки зрения пастырского консультирования необходимо было бы прояснить следующие вопросы, которые в описании случая нераскрыты:

– Какой деноминации или церковной конгрегации принадлежит Тед? Согласен ли он с полученными там представлениями о Боге, а также определениями того, что составляет благочестивую жизнь? Что влечет его в церковь?

– Верит ли Тед, что Дух Святой обитает в нем, или он видит себя полностью лишенным всего доброго? Как он представляет себе Бога? Нет ли здесь идолопоклонства, адресованного безразличному Богу, который не защищал его, не отвечал на его молитвы, когда он был маленьким?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы могут внести ясность относительно ряда решающих факторов: как видит себя Тед в отношении к Богу; какова природа его личного опыта отношений с Богом, а также его церковного опыта; какие духовные средства ему лучшего всего использовать, чтобы восстановить равновесие в своей жизни и некоторый самоконтроль; и, в конечном счете, доверяет ли он Богу?

– Есть ли у Теда другие фантазии, чем те, о которых шла речь? Являются ли они психотическими в чистом виде или могут вытекать из его гомосексуальных наклонностей? Здесь полезно было бы отзеркалить какие-то из его пояснений и вместе подумать над тем, что «О, может быть, ты гомосексуалист?», а потом посмотреть, что из этого следует. С другой стороны, не подтолкнет ли его это в неправильном направлении? Только знание и духовная проницательность могут ответить на эти вопросы. Чем для Теда является творческое напряжение между прощением с чем-то и движением к новому, совершенно другому? Ответы на эти вопросы для каждого клиента единственны и уникальны в своем роде, как уникален его жизненный опыт.

– Что нам еще известно о родителях Теда? Не было ли еще каких-нибудь сексуальных злоупотреблений по отношению к нему? В какой сте-

пени он способен опознавать и признавать оскорбительное обращение в прошлом?

– Можно ли здесь дополнительно диагностировать эго-дистонный гомосексуализм? Какова природа фантазий Теда относительно терапевта? Насколько они не похожи на другие фантазии? Какие моменты контрпереноса следовало бы упомянуть? Кто прописывает Теду антипсихотические препараты? Какого рода поддержку или обслуживание Тед получает от этого человека? Играет ли это роль дополнения к той работе, которую делает терапевт, или они конфликтуют?

* * *

Пастырское консультирование и духовная жизнь во Христе стремятся к одному и тому же – исцелить человека, возвращая ему надежду. Но старая психология, а также многие современные гуманистические направления психологии не применимы для исцеления всего человека, включая его душу, потому что в них безусловным центром осуществления выбора и развития является человеческая персона, а иногда даже и человек-терапевт рассматривается как источник надежды. Секулярную психологию прошлого интересовала, в первую очередь, ремиссия болезни или избавление от симптомов. И психология, и Церковь имеют дело с симптомами, и обе могут использовать когнитивные и поведенческие методики в качестве средств борьбы с навязчивыми, негативными, само-деструктивными мыслями и формами поведения.

И все же есть разница между гуманистической психологией, западным пастырским консультированием и психологией Церкви. Отличие заключается в понимании цели и назначения жизни как осуществления подлинного «Я» через открытие Царствия Божиего внутри нас и вхождение в радость, которую может дать только надежда на Божию милость. Тем не менее, рост в последнее время различных новейших направлений психологии начинает постепенно сужать пропасть. В первую очередь, здесь следует вспомнить психосинтез Роберто Ассаджиоли. В этой модели источник мудрости и целительной энергии помещен за пределами психологического, социального «я» и связан интуитивно с глубочайшими областями души человека.

Взятые сами по себе техники имеют тенденцию уводить человека в сторону секулярной, гуманистической, медицинской модели. Но пастырские консультанты уверены, что простое «как, каким образом?» не способно излечивать. Оно может ослабить пути, но недостаточно для исцеления ко спасению, потому что зависит полностью от энергии лишь самого клиента. Христиане, кроме того, ведут борьбу на два фронта: внешняя

борьба состоит из ухода от мирской суеты и рассеяния; внутренняя – есть отвращение от тяготения к злу внутри. Сила принять ту и другую борьбу даруется христианам милостью Божьей. Но православные христиане придают большое значение внутреннему аскетическому подвигу не по причинам терапевтическим или же познавательным, но потому что он является частью внутреннего молитвенного пути беспрестанного сведения ума в сердце. В очищении сердца христиане вновь познают, что такое доверие и надежда, возлагая их целиком на Бога, соединяя себя совершенно с Божественной любовью и, в конечном счете, преображая жизнь в постоянную память и свидетельство того Нетварного Света, Который знает каждого из нас по имени и заботится Своей милостью о нашем спасении. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр 3:20) – вот упование и молитва православного пастырского консультанта за Теда, за себя самого и за весь мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Anonymous*. The Way of the Pilgrim, trans.Helen Bacovin. – New York:Image Books, 1978.
- Hierotheos Vlachos, archim.* Orthodox Spirituality:A Brief Introduction, trans.Effie Mavromichali. – Levadia, Greece:Birth of the Theotokos Monastery, 1994.
- Lester Andrew D.* Hope in Pastoral Care and Counseling. – Louisville, KY:Westminster John Knox Press, 1995.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ПОСЛЕСЛОВИЕ К «СЛУЧАЮ ТЕДА»

С.МЬЮЗ

Пока издавались эти материалы, Тед продолжал свое путешествие. То, что его волновало больше всего, – «не умереть одиноким, так никем и не узанным по-настоящему» – приобрело для него новое измерение, так как его рак продолжал оставаться в ремиссии уже несколько лет. Первым лучом рассвета, разгоняющим долгую ночь уныния и печали, стало то, что Тед, наконец, решился принять экзистенциальный вызов ответственности за собственную амбивалентность при встрече с болью и необходимостью борьбы. «Я думал, что я умираю, но теперь оказалось, что мне еще жить и жить, а я никак не могу решить, что мне делать дальше». Одиночество его жизни, чувство, что он какой-то изгой, были центральной осью, к которой, как спицы колеса, крепились другие болезненные вопросы – сексуальности, травмы, предательства, смысла жизни.

Еще до публикации Тед прочел каждый из представленных здесь отзывов на ни чем не прикрашенные факты его жизни, и обсудил их со мной в ходе терапевтических встреч. Он сказал, что из всех троих, кто откликнулся на его случай, он выбрал бы отца Стефена Пламли, если бы он искал для себя терапевта, так как думает, что богословское измерение – самое главное в отзыве отца Стефена. Христианская вера, в значительной мере, является центром ориентации Теда в отношениях с другими людьми, а также с самой собой, смыслом и ценностями своей жизни.

Поскольку эмоциональная конгруэнтность Теда не вызывала ни малейших сомнений, у меня не было оснований вносить какие-либо психотические обертона в описание его случая. Скорее, его «голоса», даже если он и имел краткий опыт переживания их как «внешних» по отношению к нему, представляются чем-то, больше, из области диссоциативных расстройств, чем-то, что следует отнести на счет действия травмы в сочетании с изоляцией и влиянием Phentermine, препарата для похудения, который он принимал, чтобы «взбодриться». Шизоидные черты на личностном уровне выступают на первый план как следствие целой жизни в условиях изоляции от других людей, оказавшей существенное влияние на формирование поведения и мышления Теда.

Комментарии Джеффа Редигера, где он затрагивает вопрос о реальности измененных состояний сознания, которые невозможно полностью подвести под психопатологическую категорию ни «психотических», ни «диссоциативных» расстройств, как нельзя более уместны, поскольку «голоса», как можно видеть, медленно нарастая с течением времени, достигали степени наибольшего проявления, отдельного от целостной личности Теда, в тот самый момент, когда Тед пытался оспорить вынесенный себе самому приговор к изоляции, позволяя себе быть искренним с терапевтом. Диссоциативный процесс, посредством которого непереносимый аффект вытесняется в бессознательное и больше не существует для человека как нечто внутреннее, интегрированное с ним, но, скорее, переживается косвенным образом, как нечто, присутствующее «вовне» «я», хотя бы «только в уме», безусловно, напоминает оставленные нам святыми отцами описания действия страстей: возникновение страсти, постепенное овладение человеком и затем – плод, определенное поведение, которое, в свою очередь, усугубляет рабство страстям.

С течением времени повторяющиеся уступки помыслам, ассоциированным с отрицаемыми аспектами «я» и с травмой, приводят к тому, что эти страсти начинают функционировать как полуавтономные центры сознания внутри *psyche*, которые, по крайней мере, функционально равносильны «злым духам». Сексуальные провокации, даже и не направленные вовне, на другого человека, но только аутоэротические, как в случае Теда, повторяясь, постепенно делают «я» «пленником» создания собственной фантазии, что описывается в православной традиции как состояние духовного заблуждения и называется «прелестью» (*cf. Palmer, G.E.H., Philip Sherrard, Kallistos Ware, 1979*). Открываясь близости в отношениях с другим человеком и реальным чувствам, которые вышли наружу благодаря глубокой заинтересованности в этих отношениях, делающей его уязвимым, Тед, в результате, начинал представлять угрозу аутоэротическому источнику «демонических» голосов. Голоса испытывали «угрозу» честности Теда со своим терапевтом, а Тед испытывал на себе их усилия предотвратить это, когда они внушали ему не выдавать их присутствия. Эту ситуацию можно рассматривать как попытку демона «спасти свою жизнь за счет Теда», вместо того, чтобы позволить энергиям, которыми он образован, интегрироваться и «высвободиться» в *psyche*, – процесс, сходный с тем, в котором каждое индивидуальное эго в большем космическом купительном плане ищет спасения собственной жизни и теряет в этом свою душу: «Если семя не умрет, останется одиноким в земле».

На восьмидесятой сессии стал очевидным эффект прорыва ощущения изоляции, когда Тед вдруг спонтанно раскрыл свои карты, проявив

совершенно не свойственную ему откровенность: «Вы очень помогли мне в терапии. Вы другой, чем все остальные терапевты». Я увидел, как губы его приоткрылись и слегка задрожали – его чувства по поводу того, что он проговорился, начали проступать наружу и проявляться телесно, и затем он резко перешел на другую тему. Все это он заметил за собой и не мог понять, как это с ним получилось. Я спросил: «Что Вы чувствовали в тот момент, когда говорили: «Вы очень помогли мне в терапии. Вы другой, чем все остальные терапевты»? Ведь Вы в этот момент внезапно сменили тему».

Тед ответил в своей лаконичной манере: «Я хотел, чтобы вы это знали». И все, ничего больше. Тут был для него слишком большой риск стать уязвимым – признать, что наши отношения что-то значат для него, что кто бы то ни было что-то значит для него, что ему важно, чтобы кто-то понимал его. Далее он сказал, что до сего момента даже не представлял, как он автоматически избегает чувств, и, кроме того, что ему помогло то, что он чувствовал, что «о нем заботятся». Он заметил, что чувства его оживают в результате отношений с другим человеком. Будучи всю свою жизнь в изоляции, Тед не позволял своим чувствам проявляться в телесных ощущениях и, с течением времени, он постепенно перестал их осознавать, за исключением тех случаев, когда они проявлялись в качестве символических представлений, разыгрывавшихся в уме и участвовавших в его сексуальных фантазиях. Эрос в его жизни не был глубоким внутренним переживанием в отношениях с другими людьми, но переживался только косвенным образом, посредством сексуального возбуждения, стимулируемого жизнью его ментальных фантазий, в которых он играл обе роли – монолог в обличии диалога¹.

Сила психотерапии, главным образом, заключается в том, что это – возможность подлинной встречи в диалоге с другим человеком. Личность может не меняться существенно в этом процессе, и все же для человека, такого, каков он уже есть, здесь возможно весьма драматичное изменение смысла, которое наступает вместе с чувством, что его *понимают и любят*. Хотя терапевтическая встреча подразумевает специальные профессиональные границы, то, что случается в отношениях, тем не менее, реально. Исцеление душ гораздо больше зависит от этого человеческого измерения, чем от теоретического подхода или техники психотерапевта.

¹ «Современный человек отличается тем, что в действительности не слушает... Я знаю людей, которые поглощены «социальной активностью» и никогда не разговаривают друг с другом как собратья. Любовь без диалога, без реального общения с другим, без попытки достучаться до другого и составить компанию другому – любовь, остающаяся в самой себе, – это и есть Люцифер» (*Buber*, 1993, с.24).

Когда все сказано и сделано, истина остается в том, что *вера, надежда и любовь пребудут, но из них трех любовь больше.*

В какой-то момент терапевт рассказал Теду, как его собственный отец, чья жизнь была искалечена параноидной шизофренией,отреагировал на его вопрос, который начинался словами: «Если ты знал, что Иисус по каким-то причинам вынуждал тебя страдать от шизофрении...». Отец перебил его и ответил без колебаний: «Я принял это в ту же минуту!» Каждое человеческое существо – как это особенно глубоко понял Виктор Франкл, находясь в заключении в немецких концлагерях, – больше всего нуждается не в свободе от боли или болезни, а в познании смысла и свободы, которое происходит, когда ты находишься в отношениях с другим человеком. Это «измерение встречи» находится в самом ядре терапевтических отношений, как отмечал И.Ялом (*Yalom, 1989, с. 227*):

За многие годы я узнал, что задача терапевта не в том, чтобы втянуть пациента в совместные археологические раскопки. И если кто-либо из пациентов получал помощь таким образом, то это произошло не в результате поиска и обнаружения той самой ложной тропинки (жизнь никогда не идет неправильно из-за какой-то ложной тропинки; она идет неправильно потому, что ложен главный маршрут). Нет, терапевт помогает пациенту не тем, что просеивает прошлое, а тем, что любовно присутствует с человеком; тем, что он достоин доверия, что он заинтересован, а также своей верой в то, что их совместная деятельность будет, в конечном итоге, спасительной и целебной. Драма возрастной регрессии и рекапитуляции инцеста (или любого терапевтического проекта – катарсического или интеллектуального) является чем-то целительным только лишь потому, что дает терапевту и пациенту возможность интересной совместной деятельности, пока настоящая терапевтическая сила – отношения – зреет, подобно плоду.

Важно отметить, что, так как в его жизнь все больше по-настоящему входят другие люди, которые действительно ценят его, Тед прекратил свои опыты с садомазохистскими фантазиями – не вызывает их более в воображении, не мастурбирует, и вообще не проявляет свою сексуальность в аутоэротической генитальной форме. Растет его чувство признательности, благодарности, радости в отношениях с другими людьми. Он регулярно посещает церковь, встречается по вечерам с друзьями и совершает поездки с Лаурой, женщиной, которой он постепенно позволил приблизиться к себе, обнаружив, что стал внутренне крепче и теперь не боится, что она его поглотит.

В своих заметках о.Стефен Пламли подчеркивал важность того факта, что Тед завязал отношения (не сексуальные) с другим мужчиной. Я

уверен, что очень значимо, что это случилось тогда, когда также строились отношения большей открытости и эмоциональной доступности с терапевтом, которые в этот период находились на стадии переноса и вместе с целительным эффектом несли в себе угрозу и нечто пугающее для него (так, гнев в голосах в это время был в какой-то мере связан со страхом разоблачения и незащищенности). Кроме того, мужчина, с которым у Тед возникли отношения, был знаком с терапевтом Теда, и Тед это знал, что, возможно, сыграло роль, через замещение, дополнительной связи с терапевтом и могло стать значимым фактором. Однажды он рассуждал на тему, что мы оба «каким-то образом связаны друг с другом». Это, похоже, помогало Теду расстаться со страхом сексуальной связи с мужчиной, демонстрируя, что он мог наслаждаться близкими отношениями с другими мужчинами без того, чтобы на самом деле в глубине сердца мечтать о том, чтобы все это завершилось физической близостью. Похоже также, что все это помогло освободить дорогу более близким и глубоким отношениям с женщиной.

Наблюдение Ди Жаке, свидетельствующее о том, что недостаточно просто «отсечь» деструктивные мысли, но нужно и важно понять их динамическое назначение и передать скрытые функции, которые они выполняют, в ведение Таинственной жизни Церкви, имеет выдающееся значение для пастырской психотерапии. Она указывает, что ей ничего неизвестно о существовании святоотеческой практики, поощряющей подобный «рефрейминг», направленный на выявление эмоциональных первопричин и потребностей, которым они служат, что является одной из ключевых целей психодинамической терапии, превыше всего ценящей интеграцию расщепленных аспектов психической жизни. В этом вопросе мы, возможно, найдем опору в Паламитском подходе, который направлен, скорее, на преобразование и преображение страстей, чем на их уничтожение. Безусловно, это критически важная область для дальнейшего диалога между святоотеческим учением и современной психологией относительно исцеления и полноценного развития человека.

Греческий миф о путешествии Одиссея дает нам некую аналогию тех сил, с которыми мы находимся в постоянной борьбе. В один из моментов своего путешествия, зная о приближении к месту, где обитают сирены, которые увлекают мореходов своими чарующими голосами к неминуемой гибели на скалах, Одиссей приказал своим людям заткнуть уши воском, а себя велел привязать к мачте, чтобы иметь возможность слышать колдовские голоса сирен, в то же время не поддаваясь их губительному воздействию. Намеренное «аскетическое ограничение», одновременно с полным умственным осознанием и полным телесным переживанием, под-

разумеваемое этим рассказом, дает нам что-то вроде психологической дорожной карты на пути к интеграции психических энергий, а также намек на то, что этот глубинный горизонт не был совсем неизвестен древним. Не забывая обо всем разнообразии «линз», через которые можно смотреть на один и тот же предмет, пастырский клиницист, как указывает Джефф Редигер, избегает того, чтобы поддаться редукционистскому мышлению.

Но не следует рассматривать два измерения – «психологическое» и «духовное» – как изолированные или антагонистические. Так, Ди подчеркивает, как это важно и правильно, когда мы приглашаем Бога в психотерапевтический кабинет, указывая на присутствие Духа Святого посредством молитвы и ладана как видимых и намеренных напоминаний о более широком контексте, в котором разворачивается психотерапия. Если сущность и происхождение помыслов, наша подверженность отождествлению с ними и, в конечном итоге, компульсивному проявлению их в действиях должны быть изучены, чтобы стало понятно, являются ли они потенциальными носителями психологического вируса, отличными от того, что мы называем индикаторами обрывочных воспоминаний и непризнаваемых чувств, связанных с детской травмой и до сих пор нуждающихся в том, чтобы их услышали, мы должны с особым вниманием отнестись к созданию подходящих условий для исследования обоих явлений. Это вопрос не только качественного терапевтического альянса с хорошим психотерапевтом, но также и опытного духовного руководства в контексте постоянного участия в богослужениях, аскетической практики, молитвы, покаяния, братской жизни со всей церковной общиной.

Когда Тед принял взгляд на психическую болезнь как на нечто, пропорциональное неспособности человека вырваться из тюрьмы аутоэротического монологического мира психе, в которой он сам себя заточил, в пространство подлинного «Я – Ты»-диалога с другими людьми, он добился значительного прогресса. Он больше не был изолирован от людей и ограничен миром чистых проекций содержания собственного ума, вступая в общение только с фиктивным, спроецированным «другим», опять и опять глотая нечто неудобоваримое, до тех пор, пока это процесс не достигнет той точки, в которой неразрешенное напряжение будет грозить его душевному равновесию. Он совершил, в какой-то мере, прорыв к диалогическому молитвенному общению с Вечным Ты, достигнув его в контексте отношений с другими людьми, с которыми он решил пойти на сближение, стать более эмоционально доступным и открытым.

Учитывая анемию, которую сразу же выдает несколько вялый и ослабленный внешний облик Теда, его физическая форма, по всей види-

мости, несколько ухудшилась за последнее время. Неясно, насколько это ослабило интенсивность его либидо, но как бы то ни было, эротическая сторона его жизни стала приобретать новый, здоровый облик. Ирония в том, что он сообщил, что более не испытывает беспокоящих сексуальных желаний и фантазий именно в тот момент, когда, наконец, решительно заявил: «Я – голубой». Несколько месяцев спустя он поставил это свое утверждение под вопрос и в последующие два года терапевтических встреч (дважды в неделю) самостоятельно, без побуждения к этому со стороны терапевта, сблизился с женщиной, которая уже много лет время от времени возникала в его жизни. Здесь особенно важно то, что она, выступая в тандеме с продолжающейся терапией, сумела снабдить его противовидием от того крайнего одиночества, которое сопровождало его всю жизнь, а также и от значительного психического давления, оказанного на него отношениями эмоционально-сексуального инцеста с матерью, с которой он спал в одной постели до 12-летнего возраста – о чем молчал в начале терапии.

На 89-й сессии Тед сказал с лукавой улыбкой, что прекрасно провел выходные на море с Лаурой, своей подругой, и что она сейчас носит кольцо, которое он ей одел на левую руку, «так что люди спрашивают, когда мы поженимся». И хотя он даже еще не планировал жениться на ней, он отмечал, что медленно движется в направлении некой совместной жизни с ней, в той мере, в которой он мог себе это позволить, не ощущая, что им овладевает всепоглощающая тревога.

На следующей сессии Тед сообщил, с тревогой и страхом по поводу еще одной возможной потери, что у Лауры заболевание коронарной артерии, «и это меня убивает». Он размышлял вслух о собственной смерти, задавая себе вопрос, сколько ему еще осталось прожить, и насколько другой была бы его жизнь, не будь у него таких проблем с сексуальностью. Он рассказал, что его мать начала проявлять признаки помешательства, когда ему было 11 лет, и что в это время он все еще спал в ее постели, хотя в доме было достаточно места, чтобы он мог иметь собственную постель. Он спрашивал себя, какой бы могла быть его жизнь, если бы мать сумела дать ему воспитание, вместо того, чтобы предоставить ему самому выбираться из ее постели.

В этот момент он внезапно понял, зачем он несколько лет назад затеял работы по перестройке своего семейного дома. По разным поводам он никак не мог их закончить, но ранее никогда не видел здесь этой связи. «Я думаю, что перестраиваю дом из-за матери. Комната, в которой я родился, теперь столовая, также переделаны и другие части. Я сделал все по-своему». Слезы навернулись на его глаза, когда он произносил эти

слова, но затем он успокоился. Он сказал, что его удивило, насколько сильные чувства он испытал, размышляя о том, каково ему было в детстве. Переделка дома была для него очень важна, так как она отражала те изменения, которые произошли в нем самом. «Сейчас, – сообщил он, – Лаура любит сюда заходить и проводить здесь время». И затем, опять усмехнувшись лукаво, добавил: «Об этом в книге ничего нет (имея в виду «Raising Lazarus»). Мы до этого еще не добрались».

На следующей сессии Тед вернулся к теме прошлой недели и снова выразил целую гамму чувств, которые так и лились из него рекой на протяжении всей сессии – признательность, радость, чувство освобождения, благодарность. Он говорил: «Меня все тянуло в этот дом (где он спал вместе с матерью), и я всегда хотел там все изменить, и у меня получилось!» Он сказал: «Здесь Лаура вместе со мной, и ей нравится... Вот так!» (он показал в шутку язык, когда произнес это). Тед, наконец, мог теперь сказать своей матери: «Я отделился от тебя! Я стал самостоятельным мужчиной, у меня есть отношения с женщиной, которую я избрал, которая любит меня, и я свободно могу оставаться самим собой, отдельным и независимым и, в то же время, связанным с ней близкими отношениями». Он объяснил: «Мне было трудно в 12 лет сказать матери, что я не хочу спать с ней. Она нуждалась во мне». Как и многие дети, Тед пожертвовал собственным благополучием и нормальным развитием в пользу своей матери, и потребовалась большая часть его жизни, чтобы, в конце концов, достичь независимости, достаточной для того, чтобы свободно приблизиться к любимой женщине, не чувствуя, что он теряет свободу быть самим собой.

Тед объяснил, что у него все еще остается квартира в городе на тот случай, если ему вдруг захочется побыть одному, но что он борется с собой, чтобы и это тоже прошло. У Лауры есть собственный дом в городе, и они живут то у нее, то у него. Он счастлив быть в обществе Лауры и благодарен ей за заботу. Он замечает с радостью: «По утрам она заглядывает в мою комнату и спрашивает, не нужна ли мне компания, и мы вместе лежим на кровати». Он согласен, что это благотворно действует на него. Я говорю в ответ: «Как далеко от того, чтобы разговаривать с чашками, не так ли?» «Конечно», – отвечает он тихо, но с твердостью, – «Далеко. Мне даже странно, что вы еще помните об этом!»

Подводя итоги, хочу сказать: какие бы психиатрические или духовные ярлыки ни использовались, какие теории ни привлекались бы для работы с людьми, я убежден, что наиболее плодотворную почву терапевт обретает, если он может воспринять некую совокупность поведения человека, его чувств, мыслей, намерений – всей его жизни в сумме – как

самую пронзительную молитву, на которую тот способен, со всей смесью отчаяния, гнева, тоски, безнадежности, чувства обманутого доверия и всеми прочими человеческими страстями, духовными заблуждениями наряду с духовной жаждой и томлением по Христу, которые, как одно целое, направлены стрелой человеческой жизни в самое сердце Бога. Этот акт, в котором один человек открывает знание о себе другому в присутствии Бога, есть акт восстановления памяти о нем из того обрывочного состояния, которое образовалось в результате жизненных травм. Я часто спрашиваю своих клиентов: «Хотели бы вы быть в раю, но не познанными и не понятыми никем, даже Богом, или остаться в аду собственной жизни, но чтобы все-таки Бог близко вас знал, даже если при этом ничего бы не изменилось?». Ни разу не встретился мне среди них ни один, кто бы выбрал рай.

При таком понимании ясно, что пастырская психотерапия должна подходить к целостной неделимой человеческой жизни-в-отношениях, как к живой молитве большой глубины и многогранного звучания, которую никто никогда не в силах услышать во всей ее полноте. Как отметил Апостол Павел, «внутренний человек сокрыт со Христом в Боге». Он выше любого диагноза и несводим к любой частной теории. Смысл жизни и молитвенный диалог, если они существуют в отрыве от конкретно проживаемого экзистенциального контекста жизни и отношений с другими, равнозначны пустым видимостям, призывам «Господи, Господи» при утаивании нечистоты внутри или, с другой стороны, уходу от Бога во внешней жизни, именно потому, что «страшно впасть в руки Бога Живаго», и боль этих объятий пронизывает все то, что человек выстрадал за свою жизнь.

Итак, мы можем сказать, что в православном христианском пастырском консультировании сущностная задача терапевта заключается в том, чтобы действительно «встретиться» с человеком, по словам Мартина Бубера, в диалоге в присутствии Бога и «услышать» эту молитву человеческой жизни, которая, будучи возносимой к Богу (сознательно и бессознательно), предназначена всем, «у кого есть уши, чтобы слышать». В той мере, в которой это происходит, и в которой эта «молитва» начинает становиться понятной – стремление сердца ответить Божьей любви, которая вызвала его к жизни, и мощные целительные силы подлинного общения несут единение с Богом, с собой и с другими. Исцеление происходит. Жизнь наполняется смыслом. Пленники получают свободу.

В этом смысле хорошая психотерапия, подобно Таинствам Церкви и Божественной Литургии, предназначена для того, чтобы обнаруживать и изменять расположение человека относительно живой ткани сообщества,

того контекста, где он живет и общается, где раскрывается тот божественный *образ*, по которому мы все созданы, и которым соединяемся в единый народ, исцеляемся и преображаемся в *подобие* Бога. Только лишь сохраняя верность – насколько мы вообще способны – этому экзистенциальному контексту нашего диалога с Богом и другими людьми, будучи солидарными с теми, кто так же как мы сталкивается с испытаниями, предназначенными человеку, мы восстанавливаем порядок своего естества и исцеляемся до глубины. Мы разделяем один Путь, одну Истину, одну Жизнь, даже если множество тропок, которыми мы идем, равняется множеству неповторимых личностей на Земле. Один помогает другому, ибо, как однажды заметил психолог Гарри С. Салливан: «Все мы, люди, больше похожи между собой, чем отличаемся друг от друга». Благая весть и целебная сила Евангелия заключается в том, что Христом нам открывается, что и Бог, хотя пребывает вечно далеко за пределами нашей досягаемости и отличен от нас, как Дух отличен от праха, все же не чужд нам, как бы то ни было. Через «встречу» в святом Причастии мы исцеляемся и обращаемся к жизни и людям с той же любовью, которой Бог любит нас во Христе.

Перевод с англ. – *Е.В.Загородной*

ЛИТЕРАТУРА

- Buber M.* Between Man and Man. – Routledge and Kegan Paul: New York, 1993.
- Frankl V.* Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. – Pocket Books: New York.
- cf. Palmer, G.E.H., Philip Sherrard, Kallistos Ware.* The Philokalia: The Complete Text. – Faber & Faber: London, 1979.
- Yalom I.* Love's Executioner & Other Tales of Psychotherapy. – Harper Perennial: New York, 1989.